

Надежда СЕРЕДИНА

г. Москва

Часть первая

I

Ночь задёрнула чёрным занавесом город — Дома, деревья, тротуар остались там, за кулисами дня. Желтая портьера качнулась, дверь приоткрылась, и девушка увидела красное лицо. Толстые губы расплылись в странной, пугающей улыбке, свинячьи глазки сузились, и дядя, большой и толстый, стал протискиваться в узкое пространство между дверью и стеной балкона.

— Не входите сюда! — Алла прижалась спиной к решетке балкона. — Нет!

— Аллочка! Любимая, дорогая, крошка моя единственная!..

— Не входи! — испуганно крикнула, словно черное небо уже обрушилось на неё.

— Аллочка! Родная! Хорошо! Хорошо... Я не зайду... Я пошутил... Да не бойся ты! Я же не до такой степени! — дверь открывалась шире. — Я немножко выпил... Всё. Потом тебе будет хорошо.

Он застыл, любуясь ею, наслаждаясь её юностью и наивной дерзостью.

Алла вцепилась руками в решетку балкона. Чёрная нахмуренная туча скрыла луну. Плакала сирена скорой помощи. Глаз светофора подмигнул желтым. Машины взревели. «...Где ты, любовь? Счастье? Настоящая жизнь? Спрыгну и полечу. Подхватит меня мой ангел, как ласточка Дюймовочку. Где вы, ласточки и чайки? Подстрелили?..» Алла вспомнила вчерашний урок литературы. Скучную историю написал Чехов. Вот про ласточку совсем другое дело — и сама улетела, и Дюймовочку спасла от толстого, слепого, бесчувственного крота... (В пятом классе Алла танцевала Дюймовочку в школьном балете. Под звуки прекрасной музыки она улетала в страну эльфов.) «...Хочу улететь! Обманывают нас, обманывают, а когда мы становимся взрослыми, всё равно всё понимаем...»

— Аллочка, деточка! — Алла почувствовала в его голосе слезы. — Меня никто никогда не лю-

бил, Аллочка. Я как рабочая лошадка. Всю жизнь! Пожалей меня.

— Нет! Я прыгну, если ты подойдешь!

— Это шестой этаж! Аллочка, ты не птица! Уйди с балкона!

— Закрой дверь! — от злости и страха она перешла на «ты». — Уйди!

— Ал-л-лочка! Любимая, милая, единственная, красавица, детка моя. У тебя такая есть полоска на животе. Где ты загорала? Я люблю тебя, счастье моё!

— Ты врешь! Не подходи! — вскрикнула Алла и посмотрела вниз, испугавшись. Вдруг он опять начнет ее обнимать, прижимать к своему потному телу и тыкаться в шею толстыми маслянистыми губами — тогда она прыгнет. — Дядя Андрей! Я спрыгну! Я знаю, что люди не летают.

— Вопрос надо ставить корректнее, Аллочка: почему люди не летают вверх. А мне кажется, что я летаю, и ты мне дала эти крылья! Ты, Аллочка! Я же не сразу на тебя кинулся, как маньяк какой-нибудь. Я смотрел, как ты танцуешь... Танец живота! Ты ведь танцевала для меня... Для меня?

Дядя Андрей отступил, прикрыв дверь, прижался лицом к стеклу. Нос расплылся, в зрачках мелькнул красный свет, пушок лунных волос прилип к стеклу как к магниту. Толстые губы расплылись в сладострастной улыбке. Алла отвернулась, в небе мерцали звезды. Было прохладно.

Когда Алла пришла к тётё Нине и дяде Андрею, дома оказался только он один. Тётя Нина была на даче. Дядя Андрей сказал, что она вот-вот должна вернуться. Он накрыл стол, развлекал любимую племянницу как мог. Алла поссорилась с мамой. «Я не вернусь домой!» — сказала она дяде, и он, кажется, был рад этому. Теперь она поняла почему. Алла перешагнула порог квартиры с радостью и лёгкостью, доверчиво ожидая родственного внимания. А что произошло? Девушка не могла понять, в ее голове всё перепуталось, было какое-то ошеломление и испуг, и тайная радость, что ее считают взрослой. Она не понимала смешения этих чувств, и от этого кружилась голова, страх пьянил, хотелось совершить что-то необычное, дерзкое, разрушающее эту западню.

— Зачем ты боишься меня? — он смотрел на силуэт девушки: голова чуть набок, словно у подбитой птицы, груди остроугольно топорщат блузку и тянут взгляд, как магниты. — Зачем кричишь так громко, Аллочка? Зайди сюда.

— Отстань!

— Милая девочка, прости. Я так тебя люблю. Больше жизни! — ему нестерпимо хотелось, чтобы она была рядом. — Аллочка! Зайди в комнату! Вернись, родная. Я больше не буду, — он, как рыба в аквариуме, снова прильнул к стеклу.

— Нет! — Алла смотрела вниз: там опять зажегся красный. — Где мой отец?!

— Что ты испугалась, глупая? Я же твой дядя. Я ничего тебе плохого не сделаю.

Вот он включил громче телевизор и, прячась за портьеру, протянул ей в приоткрытую дверь оранжевый апельсин. Она взяла его и, размахнувшись, бросила в светофор. Апельсин полетел в черноту. Алла считала: один, два, три... Так долго падать?! Ужас! Мурашки по спине. И вдруг звук удара и тишина.

Дядя Андрей переключил телевизор на другой канал, шел какой-то боевик, показывали сцену убийства. Он взял бутылку водки, налил полный бокал. Хотел глыкнуть побольше водяры, лечь и вырубиться. Но вдруг словно кто-то шепнул ему другое... Он отлил из своего бокала в бокал Аллы, смешал водку с вином. И вернулся к двери с жёлтыми портьерами.

— Аллочка, прости, — начал он вкрадчиво. — Прости, родная. Твой отец — мой родной брат.

— Где мой отец? — девушка нагнулась за решётку балкона, и уже в её сознание пробралась мысль об ином мире, о выходе в другую дверь, и смерть перестала пугать её. Каменное дно города казалось рядом. В глазах всё слилось и потемнело. Ей казалось, души усопших бродят по щелям улиц... А вокруг них — звёздное многоголосье. Снизу — небо, сверху — твердь земная — это ночь. Светофор как маяк: зелёный — машины ожили. Зелёный — движение, жизнь. Алле захотелось ехать быстро-быстро. Глаза машин буравили темноту. И живем в перевёрнутом мире. И зло кажется добром, а добро — злом. Холодный диск луны застыл. И человек за дверью застыл, притаился, как зверь. Ночь — это твердь над головой, и мы

ходим ногами вверх, как мухи по потолку. Ночью мужчины-кроты выходят из своих жилищ. Купол ночи, как колпак, и из него не уйти, не выползти. Только выпрыгнуть, перегнувшись через решетку. Ночная жизнь...

— ...Мы росли с твоим папкой, нас одна мать молоком кормила. Пять братьев и одна сестра. После войны лебеду ели. Ничего, кроме картох в мундирах, не было. А потом влез я в свой серый мундир. Так и проходил в нем, как в футляре, всю жизнь. Меня твоя мама зовёт деревянным, потому что нас тонкостям обращения не учили, а учили воевать и убивать. Война, дочка, грубое дело, мужское.

— Отпусти меня на свободу!

— Там уже ночь. Куда ты пойдешь? — Он смотрел на нее и хотел быть той решёткой, в которую она вцепилась. Яркая луна нимбом обрамляла её голову, волосы золотистыми ручьями стекали по плечам. Ключицы, острые, как ножи, и на животе — загорелая полоска. — Прости, милая девочка. Ты испугалась. Я люблю тебя как отец. Ты умная девочка, ты поймёшь. Я для тебя всё сделаю. Ты для меня как ангел. Я люблю тебя, как дочку родную.

— Ах, дядя, дядя, мне так скучно! — вдруг Алла медленно, грациозно повернула голову, луна осветила ее профиль: высокий лоб, нос тонкий и прямой, высокий губной желобок и маленький, почти детский, подбородок.

— Тебе надо учиться, Аллочка. Где ты хочешь учиться? В Лондоне, в Париже? Или в Америке? Я всё для тебя сделаю! Хочешь стать артисткой? У меня есть товарищ по армии, у него сестра преподает в театральном вузе. Я договорюсь — ты будешь артисткой.

— Я ещё не решила, кем буду.

— А хочешь быть стюардессой? Стюардесса видит разные города, разные страны. Она далеко летает. Она может выйти замуж даже за президента.

— Хочу быть женой президента! — язвительно рассмеялась девушка.

— Я буду президентом международной торговой компании. У меня есть связи... Хочешь золотую рыбку со дна морского? Прикажу! Достанут!

— Я рыбу не ем!

Он увидел, что она улыбнулась, и вспомнил анекдот:

— Армянское радио спрашивает: «Как сделать походы по женским магазинам увлекательными для мужчин?»

Пьяно бормочет и хихикает. Что он там бормочет? Алла прислушалась, может быть, он уснет, и тогда она выйдет...

— Армянское радио отвечает, — шутил дядя, ломая речь под кавказский акцент: — «Надо показывать в салонах женской одежды порнофильмы или хотя бы лёгкую эротику. Мужчин это будет задерживать, а женщин — торопить...» Аллочка, я прогуляюсь, освежусь. Захмелел от тебя. А ты уйди с балкона. Ванну прими и спать ложись.

Через несколько минут она увидела толстую тёмную крысу под балконом. Это был дядя, жирный, чёрный, неуклюжий. Она кинулась к входной двери, но ключа не было, а дверь без ключа не открывалась. Вернулась на балкон. Вот он переходит дорогу, останавливается у светофора. На другой стороне дороги работал бар. Алла прошла в зал, посмотрела на часы: было двенадцать ночи. Кружилась голова, тошнило. Зашла в ванную. Включила воду. Журчание воды успокаивало, и она встала под душ. Теплые струи согревали. Вот халат, розовый, махровый, с китайским рисунком. Вернулась в зал: на столе — два бокала, шоколад, фрукты. Зашла в рабочий кабинет дяди. В центре — кресло, огромное, из тёмной, как шоколад, кожи. У стены — тахта. Упала на тахту и заплакала...

И вдруг видит перед глазами крысу. Серая, большая, как бульдог, крыса влезает в дверь... Алла повернулась на левый бок. Из-за тумбочки лезет другая серая тварь и, цепляясь, взбивается на одеяло.

— А-а-а!!!

— Не кричи! — пугает крыса.

И вдруг вспышка: красный, жёлтый, зелёный.

— Мама! А!!! Ма!.. Больно!

— Тихо!

— А!!! Мама! — боль поднималась откуда-то снизу. — Не надо! — сильная боль, будто машина сбила. — Мама!!! Мамочка! Больно! А!.. Больно!

Крысиная морда ткнулась в лицо, и потом тяжёлая потная голова упала на девичьи груди с твёрдыми комочками.

Алла очнулась от боли не сразу. Рванулась подняться, но дядя Андрей удержал ее. В комнате горел свет. Он видел расширенные от испуга глаза девушки. Глаза эти кричали о первородности, о телесности всего живого, о продолжении рода. Но в зеркале зрачка было что-то хищное, мстительное, страшное. Смешалось всё: и испуг, и отвращение, и гнев.

— Я хочу сброситься с балкона! — рванулась девушка из его рук. — Пусти!

— Глупышка! Всё будет хорошо... — целовал он нежно. — У меня есть сбережения, я куплю тебе то, что ты пожелаешь, — сильно прижал ее, пока она не затихла. — Что ты хочешь?

— Хочу домой, — заплакала девушка, вдруг осознав, что сопротивление её сломлено.

Он встал, подал ей бокал вина вместе с водкой. Она пила и плакала. А через полчаса, хромя на левую ногу, словно птица с переломанным крылом, пошла в ванную. Все вокруг было чужое: и мыло, и шампунь, и зубная щётка. Но ей было уже всё равно.

Однажды в школьном театре они ставили композицию по Бунину. Алла читала рассказ из пяти страниц: «На кладбище, над свежей глиняной насыпью, стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжёлый, гладкий...» Алла сбросила китайский халат под ноги, встала на него и давай его топтать, будто от него исходила злая сила. Потом подняла голову и увидела в зеркале себя — голую. И кровь. Она не помнила, как он раздел её. Какой страшный сон приснился ей! И она как подстреленная чайка. Что это? Жёлтый, красный, зелёный, красный, жёлтый, красный. Всё спуталось, цвета перемешались. Машины наезжают одна на другую, корёжат, бьются, горят, взрываются...

II

Алла Тараканова сегодня была в церкви. Тот случай с дядей Андреем она вспоминала теперь как кошмарный сон, а ведь тогда ей казалось, что у неё нет выхода. Прошло два десятка лет, вот она уже давно не Аллочка, а Алла Павловна, сама мать, и у неё есть прекрасная дочь Марина, которой уже даже выдали паспорт. Случай с дядей она теперь вспоминала

как навязчивый бред, от которого она, наверно, не сможет освободиться всю жизнь. И только когда об этом забывала, она была безмятежно счастлива и спокойна. Но из того страха пророс новый, теперь она боялась за дочь: не дай бог, чтобы над дочерью кто-то поглумился.

Прошло почти десять лет, как умер дядя Андрей, родной брат её отца. В церкви она вслушивалась в слова священника: «Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих, родителей моих и всех сродников по плоти; и прости их вся согрешения, вольная и невольная...» Ей казалось, что вот сейчас все обиды отступили и пришло спасительное прощение. Сегодня Алла поставила свечу за упокой и дяди Андрея.

Вечером дома, когда уже лежала в постели, Алла читала Библию, ей хотелось понять великую идею прощения и всепрощения. Вдруг в комнату матери неслышно вошла Марина и присела рядом. Алла Павловна взглянула на дочь и стала читать вслух:

— «Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждami, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю, и ходила за ним, и лежала с ним, — и будет тепло господину нашему царю».

— Мам, а молодая девица — это жертвоприношение, да? — спросила Марина. — У неё не было свободы, да?

— Это было четыре тысячи лет назад, — мать сама мысленно ужаснулась такому разрыву во времени. — Прочитай и оцени сама. История новыми молодыми оценивается по-другому.

— Мам, а что с этой девицей стало потом?

— Не знаю, я ещё не дочитала...

...Прошло двадцать лет, а как будто это было вчера: балкон, светофор и перевернутая ночь... И дядя Андрей в роли царя — согреться хотел... Холодно ему, видите ли, было одному. Что происходит? Почему память не щадит? Почему не происходит отпущения грехов? Каждому по вере его? И прощение тоже по вере? С того дня, когда Алла стояла на балконе шестого этажа и хотела броситься вниз, прошла целая вечность — родилась и выросла дочь. Ангел отвёл тогда страшное искушение. И перевернутое

небо не поглотило ее. Она вышла замуж, родила. Теперь её Мариночка уже взрослая. Но дочь волнует её с каждым днём всё больше. Как уберечь от ошибок, от насилия, от зла, если даже родной брат отца не пожалел?

Алла любит, когда её мужа Марка нет дома, а дочка забирается к ней под одеяло и лежит, поджав ноги, словно маленькая. И они разговаривают.

На следующий вечер Марина опять пришла к матери, когда та уже почти спала.

— Мама, расскажи, как я родилась? — спрашивает Марина шёпотом, прижимаясь к ней.

— Ты родилась весной, — Алла сонно улыбнулась.

— Утром или вечером?

— В полдень. Без пяти минут двенадцать.

— Мама, а правду говорят, что от времени суток зависит судьба? — пыталась Марина.

— Твоя судьба будет яркой, как солнце в полдень, ты ни в чем не будешь нуждаться!

Теплый дочкин поцелуй в щеку. С тех пор, как Алла Тараканова стала заниматься крупным бизнесом, времени на ребёнка почти не оставалось. Иногда не виделась с дочерью неделями.

— А больно рожать? — прижалась дочь к матери, обнимая ее.

— Хочешь, расскажу тебе...

— Сказку? — перебила насмешливо дочь.

— Не совсем сказку... Притчу.

— Мама, ты уходишь от вопроса, не кажется ли тебе?

— Я подхожу к разговору с другой стороны. Так вот... — Алла начала рассказ: — Жила-была в одном царстве-государстве одна очень красивая девушка, ютилась у родственников. И вот однажды пришли в этот дом, где она жила, царские слуги и лакеи и говорят: «Покажите нам девушку, что у вас живёт». Показали. Увидели её лакеи и увели с собой. Привели они её к царю. А царь был стар и слаб и не мог согреться. И велели девушке, чтобы она ходила за царём и лежала с ним, и согревала его. И ходила она за ним, и лежала с ним, и согревала его. Но царь не познал её.

— Ты вчера мне это читала, мама, — вспомнила Марина. — А как её звали?

— Ависага. Знаешь, я совсем не понимаю таких царей, — призналась Алла.

— Странное имя, я никогда такого не слышала.

Мам, расскажи, как ты меня рожала? Больно?

Алла обняла дочь:

— Схватки — это начало чего-то нового... А новое инстинктивно пробуждает страх. Но бояться не надо. Ты даёшь жизнь новому человеку! Мне до сих пор это кажется чудом! Нельзя оставлять одного человека в это время. Но я была одна...

— А папа где был? — приподняла голову Марина.

— Твой папа задерживался на работе, — Алла не любила вспоминать о первом муже — отце дочери.

— Почему ты ему не позвонила? — допытывалась дочка.

— Мы, кажется, перед этим... — Алла запнулась, — перед родами поссорились... Теперь у тебя другой папа. Может быть, тебе рано об этом?

— О чём?

— Ну о родах да о разводах, — усмехнулась Алла.

— А говоришь, что я взрослая! — дочь вытянула ноги, и её пятки высунулись из-под одеяла.

— Марина, я не хочу от тебя что-то скрывать или обманывать, просто мы, старое поколение, — советские... Нам хочется... хотелось... чтобы дети знали только хорошее. «Все лучшее — детям!» — был у нас лозунг.

— Не хочешь обманывать? А так получается! Я ничего не знаю... Я самая наивная в нашем классе! Ты хочешь, чтобы надо мной все смеялись?!

— Нет, — голос Аллы звучал мягко, — не хочу!

— Все девчонки уже всё знают, а мне «рано», — прошептала с обидой девочка и высвободилась из объятий матери.

— Я хочу уберечь тебя от ошибок, — смягчилась Алла. — Но не хочу, чтобы ты слишком рано взрослела.

— Что значит «слишком рано»? Рассказывай! Вы поссорились... с папой.

— Вот схватки стали с промежутками в полчаса, но не такие сильные, чтобы кричать и звать на помощь...

— Мапочка! — дочь бережно обняла мать, как своего ребёнка.

Аллу обдало теплом дочерней любви.

— Когда начались настоящие схватки, я не давала спать двум роженицам в своей палате. И они меня успокаивали...

— А где ты меня рожала?

— Роддом за памятником Петру Великому.

В комнате тихо, темно. Луна яркая, словно настольная лампа. Дочь и мать лежали, прижавшись друг к другу. Было в них что-то большее, чем родство, дружба, любовь, было что-то единое, целое, будто они все ещё в одной оболочке.

— А потом что было?.. Ты сильно кричала? — перед сном девочка задает вопросы, которых стесняется днём.

— Мне казалось, что-то отдирают от позвоночника... «Не ори! Дыши глубже, а то ребёнок задохнётся!» — холодно сказала врач. И я перестала орать. Вокруг меня было человек десять (может быть, практиканты). Потом я ухватила за руку какого-то мужчину, и мне стало не так страшно. Он мне говорил, когда дышать, когда не дышать...

— Он учил, как надо дышать? — это удивило Марину.

— Да. Это очень важно при родах. Я отпустила его руку, только когда родила.

— А он?

— Он пытался высвободиться раньше, — Алла тихонько засмеялась. — Но я так вцепилась!

— Мам, а тебе сразу показали меня?

— Да. Сказали, что родилась девочка. А подержать не дали.

— А ты обрадовалась, что девочка? — Марине это было важно.

— Тебе правду сказать? — Алла снова улыбнулась от счастливых воспоминаний. — Я не реагировала, была как кукла, — у меня не было сил почувствовать радость. Все силы я потратила.

— Чтобы удержать за руку врача? А он красивый был? — в голосе Марины появились мечтательные нотки.

— Ах ты! Вот рассказывай тебе! — Алла поднялась с постели.

— Мам, не включай свет, давай ещё поговорим... — Марина задержала её за руку. — Мам, а если меня будут убивать, что ты будешь делать?

— Я кинусь как лев и разорву в клочки злодея... — мать рассмеялась. — Разве ты можешь во мне сомневаться?

Алла задёрнула шторы, кварцевый диск остался за окном.

— Ну, мамочка! Ты ведь хотела мальчика, да?

— Вот мой врач тоже тогда спросила меня: «А вы хотели мальчика?» — «Муж хотел мальчика, а я — девочку», — ответила я. Врач в ту минуту радовалась больше, чем я. И знаешь, что она

мне ответила?! «Вот пусть они сами себе рожают мальчиков!»

— Класс! — шепнула Марина.

— Помню, я улыбнулась, и доктор так обрадовалась моей улыбке, что перекинула тебя с руки на руку, как игрушку. Я страшно тогда испугалась. И с той секунды стала всё время бояться за тебя...

— Не бойся! Я большая уже...

Алла Тараканова знала, что, когда начинается настоящая боль, ничто не заставит человека молчать. Но про настоящую боль она не стала рассказывать дочери — пусть узнает в своё время.

— Мариночка, давай спать, у меня завтра напряжённый день. — Алла села на постели. — Ты думаешь, легко делать свой бизнес в мире, где властвуют мужчины?! Да ещё эта Анастасия замучила.

— Кто? Журналистка? — Маринка будто обрадовалась. — Мам, а может быть, я буду журналисткой?

— Ты хочешь? Пообщайся с Анастасией. Анастасия — дочь известного писателя, почти классика. Ты читала «У святские шлемоносцы»?

— Родная дочь? — удивилась Марина.

— Не важно, что в паспорте, важно, что в крови...

— Ладно, я напишу в свой дневничок, а ты спи... — дочь встала с постели. — А к бабушке когда поедем?

— Завтра, — шепнула Алла.

— Мам, я должна буду Анастасии показать своё сочинение?

— Сама с ней договоришься, я дам ей твой номер.

III

Анастасия отдается литературной работе настолько, что её тексты обретают магическую силу правды, а люди принимают её саму за героиню её же романов. Что ж, такова игра искусства, чем оно совершеннее, тем, кажется читателю, ближе к жизни. Реализм — это игра в натурализм, только на другом уровне, обогащённом всеми приёмами современного искусства. Она пишет так, что её мысли и чувства начинают жить в текстах как бы сами по себе. Анастасии

нравились ее профессия, интересные встречи, необычные судьбы, яркие личности. Иногда она вскакивала по ночам, включала диктофон, расшифровывала интервью, писала репортажи, статьи, заметки. А утром бежала в редакцию. Она несколько дней готовила материал об Алле Таракановой, лидере женского движения. И вот он на столе главного редактора.

— Творческий человек создает мир заново, — Валерий Алексеевич худощав, высок, просматривая страницы, немного горбится. — Творить новый мир дано не каждому. Есть большой творец — Бог, а есть маленькие, вроде тебя, — он поймал её взгляд и улыбнулся. — Творец как бы за рамками своей личной жизни, в другом человеке, в другом поколении, в другом времени. Творец создаёт мир по образу и подобию... В этом смысле в нём есть божественное начало. Когда тебя коснётся момент ясности слова...

— Занимаетесь? — заглянул в кабинет главного редактора Коля-водитель, он же фотограф.

— Работаем, — сухо отозвался редактор, довольный, что его прервали. — Вот хочу, чтобы она ещё раз переписала, а она обижается.

— Зачем переписывать? — заступился Коля. — Чем больше переписываете, тем меньше правды остается.

— К ней у меня особые требования. Она может лучше...

— Зачем же из неё Толстого делать? Она хочет сказать так, как она хочет! — подмигнул ей Коля.

— Мы говорим о профессионализме, а не кому что хочется и как нравится, — с нажимом произнес шеф.

— Пусть видит своими глазами.

— Выпил? — устремил на Колю испепеляющий и полный презрения взгляд Валерий Алексеевич. — И что видишь ты своими пьяными глазами?

— Я ещё не пил... — будто замялся Коля. — К вам шёл. О! У меня есть хорошее вино! Грузин один вчера привёз. Будете?

— Нет! Мы заняты, — отрезал Валерий Алексеевич.

Коля удивился столь решительному отказу и вышел.

Анастасии трудно было понять, возьмет редактор ее материал или вернет. Валерий Алексеевич

непредсказуем. Анастасия смотрит ему в лицо, ей нравятся его глаза с зеленцой, и лицо нравится, длинное, худое, по форме оно типа «дерево»¹. Нос длинный, как у Гоголя.

— Посмотрите на «Мону Лизу». Какая улыбка!.. — редактор чувствовал, что вновь овладел её вниманием. — А взгляни на «Оплакивание Христа»! Что ты можешь сказать, Настя?

— О Буонаротти или о Христе?

— Что ты можешь сказать нового после «Братьев Карамазовых»?

— Я женщина! — заявила Анастасия. — А женщина миру себя ещё не раскрыла.

— Не раскрыла, — усмехнулся редактор. — Где мир, созданный заново? Другой мир! Не похожий ни на чей! Женщина... Читателю всё равно, какого ты пола, они мир познать хотят через слово твоё. А ты...

— Я женщина...

— Мы это уже слышали! — перебил. — Напиши табличку и, когдаходишь ко мне в кабинет, вешай на грудь!

— Валерий Алексеевич...

Шеф снова перебил:

— Да плевать они хотели на то, что ты женщина!

— Валерий Алексеевич, я сегодня опять иду к американцам...

— Настя, — строго посмотрел шеф, — только человек поклоняется духовному и прекрасному! Ни одно животное не создаст себе идола! Думай, ищи, твори! Не создавай кумира из американцев. Это для тебя они непрочитанная книга, а для меня всё уже ясно. Каждый предмет выделяет в окружающее пространство что-то вроде своих оболочек-образов. Они уже своё лицо у нас показали, их образ есть, зафиксирован!

Анастасия украдкой взглянула на часы:

— Валерий Алексеевич, когда должна быть готова статья о миссионерах?

— Настя, ты веришь в Бога?

— Я? — она не готова была к такому натиску.

Он держал паузу, ждал, что она ответит. Анастасия молчала. Когда она молчала, ему казалось, что она сильнее его, и он начал нервничать и говорить сам:

¹ Один из типов лиц в китайской физиогномике.

— Бог наказал людей... За что они любят его? Через восемьдесят лет построения коммунизма опять вернулись и стали строить церкви... Надо строить бесплатные больницы для стариков и приюты для беспризорных детей, а они церкви строят с золотыми куполами. Не понимаю! Извини! — Он встал, высокий и очень худой. — Американцы нам миссионеров присылают... У нас что, своих людей нет? — и вдруг резко заключил: — Материал должен быть готов через три дня. Пиши. И думай, когда пишешь, и забудь, что ты женщина... Да, а материал с историком как? Двигается?

— Двигается, — сказала она и вышла, уже не в силах терпеть его тирады.

* * *

Квартира у историка Петра Никитича маленькая. Комната (она же и спальня) сегодня стала быстро наполняться гостями. Живет он в хрущёвке, но чувствует себя аристократом. Он много читает по истории Отечества, ищет национальную идею.

— За Россию! — вошёл Павел Павлович Поляков, старый знакомый историка.

— За Россию и за Америку! — вскочил Гарик, теребя рыжую бородку.

Гарик никогда не отказывался сходить в гости, а иногда и сам напрашивался, он так натасковался в Америке по разговорам на кухне, что часто казался даже навязчивым. И потом встретиться с нужным человеком в гостях — это совсем не то, что в кабинете. Ему нужно было поближе сойтись с Марком Асляком.

— Я ведь тебе не верю, американец! — сказал Петр Никитич. — И за твою Америку пить не буду, какие бы сказки ты мне ни рассказывал.

— Тут нет американцев! — вспыхнул Гарик.

— Почему пьешь за Америку, если патриот? — удивился Павел Павлович.

Гарик усмехнулся:

— Так вы хотите укрепить или раскрепить русского человека?

Стол с толстыми резными ножками, кресло под Петровскую эпоху, нарисованный на стене камин, старый шкаф из морёного дуба и макет самолёта. За макетом сидит кот. Кот обычный,

серый, среднерусский, но с повадками сиамского: успеет и царапнуть, и куснуть.

— У вас как во времена Ивана Грозного, — смеётся Гарик. — Я знал русских анархистов в Америке.

— Кого же? — прищурился Павел Павлович.

— Это отдельный разговор! Настоящие американцы живут настоящим! Только русские американцы живут будущим.

Гарик — человек с фантазией. Однажды в Америке ему представилась картинка: вот... входит сам Пушкин. «Здравствуй, Александр!» Гарик протянул руку...

Гарик огляделся, ущипнул себя. Неужели он не в Америке? На улицах Нью-Йорка он спрашивал себя, ущипнув: «Неужели я не в России?» В Америке он даже стал слышать голоса из-за океана, из другого света, из России. Но теперь голоса эти не в нём, а вокруг него. Гарик вслушивался и дивился жизни здесь, а где его дом, он уже не знал. Поймал кота, кот распушил хвост и выпустил когти.

— Товарищ генерал, — сказал Гарик, — разрешите спросить?

— Что интересуется нового русского американца? — историку польстило это «товарищ генерал».

Но Гарика помешало задать вопрос встрявший в разговор Поляков, удивив американца косноязычием.

— Трудятся люди везде. В Японии, в Корее, — размашисто размышлял Поляков, он очень быстро разбогател на ваучерах и на «палёной» водке и уже вошёл в число местных олигархов. — Маленький участочек земли, он весь вспахан! И на нём получают такие урожаи! В Японии! В Швейцарии! Там того нет, что есть у нас. Здесь же у нас такие земли! Их так много! Они такие урожайные! А вы, собственно, почему вернулись из Америки?

— Я хочу создать семью здесь, — признался Гарик.

— А в Америке что? Баб нет?

— У меня была подруга. Но для семьи нужна любовь.

— Ну так и любил бы подругу! — Поляков будто Америку открыл.

— Я не могу любить по расчету, это значит обмануть её. Это недостойно моей чести. Я дворянин! — в голосе Гарика послышался пафос.

— Из дворовых? — уел Поляков.

— Нет, из монархистов.

Кот волновался, оживляя компанию: то прятался за макетом самолёта, то под ногами вертелся, то вдруг прыгнул на руки хозяину.

— А девушки здесь какие! — Поляков опять погрузился в воспоминания. — Я приехал с Поволжья. А я был молодой человек, только из армии. Там из двадцати — одной красивой не увидишь. А здесь каждая вторая — краса-красой!

— Родина здесь. Эталон красоты создается на своей родине! — философски заметил историк Петр Никитич.

В дверь позвонили. Пришел еще один гость — адвокат Марк Асляк, низенький, с серебрищейся бородкой, в очках, в руке — свернутая в трубку газета. Его как раз и ожидал Гарик. Адвокат Марк Яковлевич Асляк, второй муж Аллы Павловны, имел свою контору в Центральном районе города. Женское движение возглавляла Алла Павловна Тараканова не совсем по своей воле, а по желанию одного человека, который готовился к выборам в Госдуму. Асляк был из тех людей, которые умели опустить человека или поднять, в зависимости от нужности и выгоды для себя из всей ситуации. Он умел войти в какие-то особые зоны человеческого сознания и подсознания, присоединить их к себе, как сообщающиеся сосуды. Когда ему этот сосуд становился не нужен, он разрывал связь, как пуповину. Лет двадцать назад была какая-то странная история с одним хорошим адвокатом. Назначили этого хорошего адвоката на место, куда рвался Асляк, и, кажется, уже был приказ о назначении, но вдруг тот человек повесился. Так заведующим стал Марк Яковлевич. Мало кто уже помнил эту историю...

Гарика посоветовали обратиться к Асляку, но тут же и рассказали этот эпизод. Гарика нужен был адвокат, и он всё искал нужного, такого, которого нельзя перекупить. Ещё говорили, что Асляк ведет какие-то дела, которые сейчас пересматриваются. Вроде таких: человека сбивала машина, а потом или не находили эту машину, или оправдывали водителя полностью. Гарик знал, что с Асляком можно познакомиться у историка Петра Никитича. Были и ещё причины, по которым ему очень интересен был муж Аллы Павловны — Марк Асляк.

— Вот, господа, свежий номер, — Асляк показал газетную полосу.

Но его как будто никто не услышал.

— Вот явилось ещё движение — «женское...». Сколько этому единству кукловодов потребуется? — насмешливо спросил историк. — А кукловоды, оказывается, сами-то и есть большие куклы.

— «Судья... Двадцать метров не дошла до своего дома...» — читал Асляк газету.

За окном что-то хлопнуло, словно взорвалось. Кот шархнул с полки, самолет полетел на пол, рухнул, ударившись крылом.

Гарик вдруг повернулся к Асляку:

— Простите, вы что-то интересное хотели прочитать нам...

Асляк поправил очки:

— Убили судью...

— Простите, — опять перебил Гарик, — я сейчас на маршрутке ехал, песенку услышал, такая, знаете: «...Убили негра... Ой-ёй-ёй-ёй, убили негра...» Дурацкая песенка, извините. Почему у вас такие песни крутят в общественных местах?

— Такого ещё не было в нашем городе! Судью убили около дома! — Асляк почувствовал, что наконец его услышали. — Она занималась уголовными делами...

— А сколько ей лет? — спросил Гарик.

— С сорок пятого...

— Почти шестьдесят! — удивился Гарик. — А почему не на пенсии? Судьи в сорок пять уходят...

— Кому-то была нужна, — предположил историк. — Не отправили на пенсию...

— Она была справедливая? Или кого-то неправильно осудила? — спросил Гарик.

— В понедельник шла с работы... Возле дома... Около мусорки... — у Асляка оборвался голос.

— Вы с ней работали? — уставился Гарик на адвоката.

— ...Ножом по лицу! Он... её...

— По лицу?! — перебил Гарик. — По лицу бьют пощёчину! Это дуэль!

— Тяжёлое ножевое ранение! Какая дуэль?! Жизнь мало похожа на дуэль. Это просто бойня! — голос адвоката звенел как металл. — Вот, у меня есть бланки. Заполните, и пусть заполнят ваши знакомые.

Гарик взялся читать вслух: «Прошу принять»

меня в члены... Дата рождения... Паспорт...» А зачем паспортные данные? — удивился Гарик. — Это же общественная организация... «Члены общественного движения»? Да это же данные по типу подписного листа?! — Гарик смотрел на Асляка: перед ним был низкорослый человек с сединой, скрывающий за очками хитрость и ум.

— Значит, женщинам так удобнее... На будущее... Вдруг тот или другой человек понадобится, чтобы не искать его потом... В Америку не собираетесь возвращаться? — адвокат пристально, не мигая, глядел в глаза Гарика и переводил разговор на другую тему.

— Я патриот! — запальчиво ответил Гарик. — Я хочу быть полезным своей родине!

— Ты же монархист! — перебил Поляков. — Какой ты патриот?!

— Какой вы серьезный! Пусть будет и монархист, и патриот! — усмехнулся адвокат, он знал историю Гарика.

Прожив в Нью-Йорке тринадцать лет, Гарик с матерью вернулся в Россию. В Штатах он учился, но не закончил курс (отец, на поддержку которого они с матерью рассчитывали, оказался не столь щедр и не очень тратился на сына).

— Мне нужен хороший адвокат, — сказал Гарик. — Такой, как вы.

— Интересно, зачем это я вам понадобился? — Асляк смотрел пристально (этот взгляд очень помогал ему на процессах).

— Как-то слышал в электричке: «И твоя правда, и моя правда, и везде правда — и нигде ее нет». — Гарик громко захохотал, рыжая борода запрыгала. — У вас, говорят, везде свои судьи?

В кармане адвоката зазвонил мобильный телефон. Ироническая насмешка в его глазах погасла:

— Разрешите откланяться. Работа, — Асляк взглянул на часы. — Я должен срочно ехать. А газету я вам оставлю. Вот тут и фотография есть, кружком обведено место убийства судьи. Вот моя визитная карточка, — подал он картонку Гарик. — По домашнему телефону может ответить жена Алла Павловна. Она любительница зарубежных путешествий... Поделитесь с ней своим опытом. Мечтает побывать на Иппокрене. Это волшебный библейский источник на Геликоне. Не были там?

— Я вижу, у вас ещё одна новая газетка, — потянулся за ней Гарик вместо ответа на вопрос.

— О вашей жене пишут? Господин адвокат, вы можете гордиться Аллой Павловной! — слишком громко воскликнул Поляков.

— К сожалению, не всегда только я, — довольно осклабился Асляк. — Она же занимается общественной деятельностью, как без кукловодов...

— Красивая женщина! Очаровашка! Куколка! — шутил Павел Павлович Поляков. — А кто же ее кукловод?

— Кукловодов в России хватает! — громко засмеялся Марк Асляк.

— А как ваша приемная дочь? — будто невзначай спросил Гарик.

— Что?! — вздрогнул Марк. — Вы и о ней уже знаете? Она у бабушки. Отдыхать поехала.

IV

Лето изумрудное, бархатное — всё светится и бликует, и мелькает за окном машины. Марина едет к бабушке. Холмы на горизонте сходятся с голубым небом, и, кажется, там, за кромкой горизонта, дорога тоже станет голубой.

Бабушка — это родник, это лучшие сказки детства, это... это защита от обид и строгости мамы. Бабушка обнимет, по головке погладит — и все обиды и горести как рукой снимет. Целый день рассказывала Марина бабушке о своей жизни. А вот теперь приехала и двоюродная сестра Оля.

Только Марина села за стол, Оля тут как тут:

— Давай на гитаре поиграем.

— Играй! — отмахнулась Марина.

— Мне одной не хочется, — приставала Оля.

— Ты пишешь... Мне скучно.

Бабушка пришла, позвала Олю, и они куда-то вдвоём отправились. Марина поняла, что у них есть от неё какие-то секреты.

Она достала свой дневник, куда любила записывать всё, о чем не могла поговорить с Олей, бабушкой и мамой. «Последнее время мне так нравится дневничок», — удивлялась Марина самой себе.

Скоро Оля вернулась:

— Я сегодня хотела на гитаре поиграть, — с ехидством, смотря искоса на Марину, напомнила Оля.

Марина вскинула удивленно брови:

— И что? Я не дала?

— Дала... — подмигнула Оля.

— Что?! — вспыхнула Марина.

— Тихо, тихо, успокойся. Я тебе не говорю, что ты «не дала». Я говорю, что ты — дала...

Тут в комнату зашла бабушка, и вовремя — иначе могла бы вспыхнуть ссора.

— Мариночка, одевайся, пойдем сходим... — позвала бабушка.

— Куда? — не поняла Марина.

— Секрет! — Оля загадочно улыбалась.

— Бабушка, секрет у вас с Олей? От меня?

— Пойдешь с нами? — снова позвала бабушка.

— Пойду, — сказала Марина. — А вообще-то, нет. То есть... Я не знаю.

Бабушка торопила:

— Решай скорей.

Бабушка была не родной, она была матерью отчима, но любила Марину как родную внучку.

Марина быстро собралась.

Они пришли в церковь. Оля очень хотела покреститься, ведь у них, в деревне, церкви не было. А Марине стало немного страшно. Проходя мимо церкви, она всегда думала о покойниках и о том, что, прежде чем похоронить, умершего несут в церковь.

Священник подозвал девочек.

— Мариночка, иди скорей с Олей, за компанию, — подтолкнула бабушка.

Марина зашла в небольшую, но очень светлую комнату. Там полукругом уже стояло человек двенадцать. Марина встала рядом с Олей. Священник поучал их, как надо креститься. Прочитал молитву и сказал:

— Креститесь вместе со мной.

Всё было ново для Марины, радостно и страшновато. Вот заплакала маленькая девочка, её окунали в воду. Потом ещё один мальчик заплакал... Их было четверо: трое грудных и годовалая девочка. Марина опять испытала страх, но теперь этот страх был внутри, глубоко, и исходил как бы из неё самой...

Вот уже священник надел на всех крестики... «Вот и всё?» — подумала Марина. Она не была подготовлена к крещению, оттого воспринимала это как театр, игру, ритуал, который не требует очень глубокого погружения в происходящее.

Оля молчала и была более вдумчива, и глаза её наполнялись каким-то другим светом. Но Марина не понимала Олю.

Домой шли возбуждённо-весёлые, и мимоходом в лавочках бабушка покупала всё, что просили девочки.

* * *

Когда бабушка привезла внучку обратно к матери и сказала, что она Мариночку окрестила, Алла промолчала. Надо проще относиться к переменам в жизни. У Аллы тоже были перемены, о ней теперь чаще писали в газетах, постоянно звонили, всем она была нужна. «Парадную» биографию Аллы Таракановой переписывала каждая газета на свой лад. Есть деньги — почему бы не насладиться славой?

Алле нужна была эта всеобщая любовь. В этом они с мужем были чем-то похожи. Марк Асляк тоже шел на судебные заседания, выучивая роль, заботясь больше о производимом впечатлении, а не о самом деле. О самом же деле всё решал до заседания, в кабинетах олигархов и чиновников.

Свекровь Аллу не любила, но не показывала этого, не докучала со своими разговорами, «не доставала», как говорила Алла Павловна. Ей казалось, что мать мужа просто забирала всю положительную энергию, всю радость.

— Мама, если тебе скучно, посмотрела бы телевизор! — Алла покачала головой. — Или я найму тебе компаньонку для бесед.

— Ты такая же, как мой массажист...

— Что вы мне все намекаете? По-человечески сказать не можете? — сердилась Алла.

— Скажу... Марк как раз за это дело взялся... С убитой судьей... — свекровь поджала губы.

— О господи! — протянула Алла. — Да мало ли сейчас наркоманов!

— Это не наркоман. Он ее по лицу бил... Это дуэль была.

Алла уставилась на свекровь: какая негибавая воля у пожилой женщины! И лицо её не стареет, а застывает, как маска музейная.

— Мама, время дуэлей прошло! — через силу засмеялась Алла. — Вы в каком веке живёте?

— Отсидел лет восемь ни за что... Каждый

день, небось, Богу молил, чтоб выйти и в лицо этой судьбе посмотреть... — торопливо шептала свекровь.

Алла в растерянности:

— Выпей валерианы!

— ...Марк так изменился... Я всё замечаю: похудел, осунулся, молчит, мне ни слова не скажет, отворачивается...

— Мама! О чём ему с тобой говорить?!

— Ему со мной не о чем, да мне с тобой есть о чём! — встала посреди комнаты свекровь. — Ты смотри: Марину с Тиграном наедине не оставляй!

Алла молчала. И вдруг она вспомнила, как однажды Мариночка сказала ей, словно нечаянно, что «папа положил руку вот так». Как представить это в своем воображении?

— Я твоего Тиграна спрашиваю: «Доктор, долго я еще жить буду?» — свекровь разволновалась.

— Завтра Марине в школу, пойду приготовлю ей блузку, брюки... — Алла вышла из комнаты, чтобы не поссориться со свекровью, села перед телевизором. Вдруг опять вспомнила себя девочкой: в чёрной скорлупе — ночного неба желток, колкие звёзды, светофор, небо над головой и себя в ванной у дяди Андрея... Зеркало... И кровь.

V

Первого сентября возле школы, как на пристани перед отплытием корабля, собрались все: и кто отправляется в долгий путь за знаниями, и гости.

Восемь сорок утра. Линейка началась. Впереди стоят первоклашки. Марине кажется, что даже учителя стали другие — веселые, загорелые. Один рыжий веснушчатый первоклассник громко плакал. «Неужели так страшно? — смотрит на него Марина. — Наверное, ему будет нелегко — чувствует». Вот подарили шоколадки первоклашкам. «А-а! — разочарованно протянул рыжий мальчик. — Без секрета...» — но плакать перестал. В детстве, наверное, хочется, чтобы побольше было секретов. Теперь же каждый день вставать рано. Только вечером можно просто полежать, а днем — ни минуточки.

...И замелькали новые учебники, новые кни-

ги. Не прошло и месяца — начались зачеты, контрольные. Жанна Владимировна вела свой класс чуть ли не по программе первого курса университета. Ей нужно было, чтобы поступили в вузы все, все блеснули знаниями на выпускном, тем более что по новой программе выпускной экзамен будет и вступительным. Она выкладывалась сама и требовала этого от своих учеников, требовала с нажимом и бескомпромиссно. Марина свою Жанну Владимировну и любила, и боялась. Между собой ученики звали ее просто Жанка. Однажды Жанка такие репрессии применила: парты маленькие, одноместные и прозрачные (спрятать ничего нельзя), а она ещё и сумки собрала, и все тетради. Сидели чуть ли не голые и немые, как рыбы на суше, прыгали, вертелись, хватали ртом воздух, а спросить соседа нельзя, только рот откроешь — сразу на тебе взгляд.

После урока мальчишки прикалывались:

— Наша училка разговаривает сама с собой. А ваша?

— Тоже, но она не осознает этого. Она думает, что мы ее слушаем.

После урока литературы — биология.

— Марина, я тебя заметила в этом году, — поощрительно сказала биологичка, дородная, самоуверенная и властная, у нее всегда на уроках мёртвая тишина.

Марина не поняла, сделала «большие глаза» и посмотрела на учительницу биологии.

— Ты изменилась, — продолжала учительница. Марина испугалась ещё больше.

— В лучшую сторону. Отвечаешь всё время... Марине захотелось встать и выйти.

Вслед за уроком биологии — литература. Писали сочинение «Над чем смеётся Чехов?». Эпиграф: «Хорошо смеяться на сухом берегу» (половица). Смеётся ли Чехов? Ведь не «сухой берег» у него под ногами? Берег хранит, защищает человека от воды. А жизнь никого не бережёт. Не зайдёшь в реку — плавать не научишься.

Уроки, уроки, а жить когда?..

На следующий день — успех! Марина услышала, что Жанна Владимировна назвала ее фамилию. Марина встрепенулась. Учительнице и многие другие сочинения понравились, но Марину она назвала первой.

Марина смотрела на Жанну Владимировну и чего-то ждала, а та вдруг заговорила о жизни, а не об уроке:

— Девочки, не надо пудрить мальчику мозги, если он не нужен... Вы в ответе. И это просто жестоко. С этим не играют...

Жанка впервые говорила так о мальчиках. А Марина думала об Алёше. Марина вспомнила, что вчера Алёша прошел мимо. «Мне показалось, что это я — не я, а он — не он. Сердце замерло. Надо было позвать и поздороваться. Но и слова сказать не могла», — записала она в своем дневнике.

Марина так привыкла уединяться и записывать в свой девичий дневник, что стала доверять ему больше, чем маме. Она уже не откровенничала с Олей и бабушкой. И даже в маме ей стало теперь что-то не нравится. Мама много работала или все время разговаривала с Марком, шутила с ним, смеялась, а Марину не замечала. А однажды она случайно услышала, как Марк говорил ее маме, что есть интернат с музыкальным уклоном, где дети много занимаются музыкой... Что у Марины есть способности к музыке...

— Мариночка, что ты делаешь? — вошла в комнату бабушка в длинном халате.

— Пасьянс раскладываю... — Марина спрятала дневник.

— Я связала тебе красную шапочку, — бабушка так тепло относилась к приёмной своей внучке, что на ее уважительную любовь невозможно было не отозваться.

Марина ласково улыбнулась и покачала головой:

— Бабуля, мне только красной шапочки не хватает! — И вдруг спросила: — А тебе не казалось, когда ты была девочкой, что Земля — это космический корабль?

— Нет, деточка, мне так не казалось. Нам этим голову в школе не забивали. Мы учились жить реальными вещами. Я уже сама на себя вязала, когда была такой, как ты...

— Бабушка, раскартофь картошку, — попросила Марина, держа дневник под столом.

— Кушать захотела? Так бы и сказала. Пойдем, миленькая, я тебя покормлю... — бабушка направилась в кухню.

— Ты иди, а я сейчас приду! — Марина прятала дневник.

— Так ты приходи, а то я опять раскартофлю, помню, а она остынет, — раздалось из коридора.

Марина пришла в кухню:

— Бабушка, а если меня будут убивать, что ты будешь делать?

— Что за болезненное состояние? — озабочилась бабушка. — Я скажу Алле. Надо тебя показать врачу...

— Твоему Тиграну?

— Что ж... Он тоже хороший человек, — рассуждала бабушка, снимая картофельную кожуру. — Я уже как выжженное поле, а он придет и полечит.

— И? — Марина лукаво и заманчиво улыбнулась. — Как он тебя лечит?

— Уж я не знаю как... — бабушка внимательно посмотрела на Марину. — А он меня лечит. Мне, Мариночка, вот такая твоя улыбка не нравится. А с этим мальчиком не дружи, он тебе не пара. Он мне не нравится, Алёша этот твой.

— Почему?

— Не ходи... — терпеливо просила бабушка, уговаривала, уминала, словно тесто месила. — Не ходи к нему, тебе учиться надо!

Звонок в дверь прервал воспитательную работу. Марина открыла дверь — перед ней стоял весёлый, сияющий Тигран.

— Заходите скорей! Бабушка вас замучилась ждать.

— Марина, представляешь, таксисты объявили голодовку! Они требуют отмены правил дорожного движения!

В дом адвоката Марка Яковлевича Асляка и его жены Аллы Павловны Тигран Зайцев входил смело, говорил громко. Алла Павловна платила хорошо и просила его быть внимательнее к свекрови. Он уже вжился в семью, знал потаённые пружины каждого, даже изучил привычки собаки.

Вчера бабушка рассказывала Тиграну о собачке Кукле, которой завязывала банты на хвосте. А сегодня у бабушки посерьезнее настроение:

— ...В сорок шестом я вышла замуж. Я работала секретарем комитета комсомола завода. — Бабушка сделала паузу в этом месте и посмотрела на Тиграна, серьезно ли он слушает. — Когда я вышла замуж, мы с мужем поехали в Ленинград.

Но я забеременела. — Она потрогала свой впа-
лый живот. — Родила Марка.

Марина подобрала ноги в кресло.

— ...Мы уехали на Колыму, по договору. —
Бабушка будто смотрит в свое прошлое и ви-
дит поезда, поезда... — Я там была выбрана
председателем завкома. Оттуда поехали в
Свердловск. Мужу очень хотелось учиться в
аспирантуре. А у меня уже второй ребенок по-
явился. В общежитии дали вторую комнату.
Муж подал на конкурс в институт.

Марина видела, как сухая рука бабушки висит
вдоль туловища, будто внизу на цепи гиря, что
давала бег времени. Эту больную высыхающую
руку и пытается оживить Тигран.

— Получили квартиру. Я окончила здесь уни-
верситет. Заочно, — продолжала пожилая жен-
щина с уверенностью, что и её опыт молодому
поколению пригодится. — Работала в институте.
Кафедра истории партии. Окончила аспиранту-
ру. Двадцать пять лет преподавала.

— Да вы у нас английский бакалавр! — подде-
рживает разговор Тигран, втирая крем с можже-
вельником и эфирным маслом лаванды.

— Когда пошла на пенсию, шестьдесят пять
лет было, — голос ее как тиканье старинных
ходиков. — Началась перестройка. Я пришла в
райком партии. «Иди работай в женсовет», —
сказали мне.

— Сколько же в вас было кипучей, могучей и
никем не победимой жизни! — он разминает её
холодные, почти не гнущиеся пальцы.

— Вот рука болит, а то бы я ещё много чего
сделала! — она долгим взглядом изучала его:
брюнет в очках, слишком угодлив, таких рань-
ше, в советское время, было мало.

— Подлечим.

— Вылечите меня. Я умею быть благодарной.
Три карты я вам не назову, как старуха в «Пи-
ковой даме», но тоже знаю секреты...

— Конечно, вылечим! Только потерпите, —
Тигран аккуратно поглаживает мышцы. — Бо-
лезнь приходит бегом, а уходит медленным
шагом.

— ...Вот так я и начала работать в женсовете. А
на следующий год на конференции меня избра-
ли председателем женсовета. Мне очень понра-
вилось, — голос звучал глухо, как старые довоен-
ные ходики с гирей и длинной цепью.

Марина не выходила из комнаты. Ей вдруг за-
хотелось послушать, о чём говорит время.

— ...Это девяносто второй год был. Потом я
провела городскую конференцию независи-
мой женской демократической инициативы.
Это — девяносто третий. Теперь у нас бюлле-
тень свой, шесть сборников, информацион-
ное обеспечение, ксерокс, электронная почта.
У меня есть люди. Я эту технику не понимаю.
Я изучила женское движение с прошлого века.
Было всё очень ограничено у нас. Хотя боро-
лись за женское образование, за женское из-
бирательное право. За что боролись — на то и
напоролись, — вдруг сказала она и прикрыла
глаза. — Уходите все. Я устала.

VI

Вечером позвонил Фёдор Фёдорович, дядя
Тиграна, и сообщил ему, что бабушка,
свекровь Аллы Павловны, умерла, царство ей
небесное. Он посоветовал племяннику в похо-
ронах не участвовать и не показываться на
глаза Алле Павловне.

— Но как же?! Это не совсем хорошо, — воз-
разил Тигран. — Она мне этого не простит... А
вдруг я буду нужен. И потом она ей свекровь, а
не мать...

— У нее «вдруг» не бывает. Алла с юных лет
приучена все взвешивать, она из торговли, или,
как приличнее выразиться, «из бизнеса». Пусть
у нее с тобой не будет связано отрицательных
эмоций... Ты ей будешь нужнее потом.

День погас, и выкатилось на небо ночное све-
тило. Тигран — человек не сентиментальный, но
ему сделалось не по себе... Вчера он оживлял
старушку своими руками... Он посмотрел на
свои руки, как будто они сами по себе, а не час-
ти его тела. И увидел рядом с собой тень. Он
сжал пальцы в кулак... А смерть придёт, их
разомкнёт. Будто в кулаке он зажал смертный
холодный осколок. Он вдруг почувствовал свою
вину... Какую-то вину перед всеми женщинами,
с которыми он был близок, будто он всех оби-
дел, обманул, недодал им что-то. Всех коснется
смерть, никто не избежит тленья. И он?

Ночь. Неживой свет блуждает по квартире.

Он поднялся, включил свет, настроил телеви-

зор на ночной канал. Настроился на фильм о любви... Шла сцена секса... Пока живой, надо жить, жить, жить... Хорошо, когда рядом женщина... А если её нет?

Три дня Тигран не находил себе места, по совету дяди не показывая носа к Алле Павловне. Он много передумал о своей жизни: как дошёл он до жизни такой, что стал массажистом? Почему? Что произошло? Если бы он всё это рассказал, никто бы не поверил. Со стороны, наверно, кажется, что он легко попал в круг массажистов, которых приглашают в элитные дома...

— Как дела? Как живётся-можется? — позвонил дядя на четвертый день.

— Ах, дядя, дядя, мне так скучно...

— Чем занимаешься?

— Ничем.

— Я на даче... Приезжай, а? Приедешь?

Дачный домик у Фёдора Фёдоровича без комфорта, под старину — так, домик для охоты. И река, и лес рядом. С собакой можно поохотиться. Рыжая лайка бежала впереди хозяина и громко лаяла на Тиграна, как на тигра.

Выпили за упокой бабушки.

— Как Алла пережила потерю? Нового любовника еще не завела? — Тиграну тридцать три. Когда он выпьет водочки, в нем пробуждается Амур, натягивает лук и ищет, в кого бы пустить свою стрелу любви... Наконечник сей волшебной стрелы отравлен ядом цинизма.

— В Италию собирается, — приятные воспоминания осветили лицо Фёдора Фёдоровича. — Пусть развееся.

— Надеюсь, не насовсем. На коня сел — Бога забыл, слез с коня — коня забыл, — Тигран через силу улыбнулся.

— Сделай мне китайский массаж. Бывает, жить не хочешь, а разомнут тебе спину — так опять соколом летишь, — потянувшись, попросил Фёдор Фёдорович.

Рыжая лайка лизала руки то хозяину, то гостю: ладони блестели, как масленичные блины.

— В твои годы, дядя Федя, Рубенс женился на шестнадцатилетней и родил троих сыновей!

— Да, были люди в наше время...

— Богатыри? — южный парень с маслянистым блеском в глазах обладал какой-то притя-

гательной силой, голос его, как армянский коньяк, пьянил.

— Я не Петруччо и быть мужем строптивой не хочу! — отшутился Фёдор Фёдорович. — Помнишь, как я тебя познакомил с Аллой?

— Ты думаешь, меня ожидает богатое будущее? — принужденно улыбнулся Тигран, словно перед объективом фотоаппарата.

— «Ты силы золота не знаешь!»

— Дядя Федя, какой ты Шекспир! И какая гордость!

— Не гордость, а достоинство и самоуважение. Срывая яблоко, вспоминай того, кто посадил дерево. Уважь старика дядю, уведи, спаси, возьми в жёны Аллочку. У меня за Аллу душа... вот тут... болит. Я всё стерплю, если это будешь ты. Да, Алла нуждается в человеке, у которого такие целительные руки, такие золотые пальцы, как твои. — Фёдор Фёдорович судорожно гладил карельскую лайку, руки его дрожали, а собака урывками их вылизывала.

Тигран снова растянул рот в улыбке и молчал.

— Да! Я купил новое ружьё! — поднялся Фёдор Фёдорович. — Сейчас покажу! А то все про девочек. Мы что — не мужики? Не охотники? Ружьё в руках держать можем!

VII

Был год повышенной солнечной активности. Все влюблялись, мужчины донжуанили, и происходило это благодаря капризам представительниц прекрасного пола, тонко воспринимающим процессы на Солнце.

Любовные треугольники, эти удивительные геометрические фигуры, имели такой вид: в основании — мужчина, а по бокам — равнобедренные соперницы. Мужчины в городе становились женственными, ибо им не нужно было соперничать между собой; женщины превращались в воинственных и, вместо того чтобы беречь мужчин, в порыве ревности изводили, уничтожали их. Продолжительность жизни мужчин в те годы была пятьдесят восемь лет, два года они не доживали до заслуженного отдыха и пенсии, так что государство имело некоторую экономию в пенсионном фонде.

Солнечная активность влияла и на Аллу Пав-

ловну Тараканову. Днем она ходила в бассейн и делала массаж со швейцарскими эфирными маслами, занималась психологическими тренингами, но ночью чувствовала, что самообладание ей изменяет. Руки лечащие и сердце доброе давно были нужны Алле Таракановой. Муж ее, Марк Яковлевич Асляк, жил своей жизнью. Он заведовал адвокатской конторой, часто бывал в командировках. Полнолуние не давало Алле Павловне спать, а нужно завтра быть в форме, свежей, привлекательной и деловой. Луна? Её не выключишь, как ночник! Можно сменить шторы. Но их очень любила мама Марка. Марк обидится... Прошел месяц, а, кажется, похороны были вчера.

— Тетя Алла! — вдруг раздался голос приглушённо-робкий.

Алла Павловна замерла. Луна светит, но лица не видно, и от этого нереальными, безжизненными кажутся очертания. Привидение какое-то?

— Вы не спите? — привидение вошло в комнату.

— О! Господи! Оля? Ты?

Оля в ночной рубашке с рукавами-крыльями, как ангел, явилась из мрака ночи. Она приехала в гости из деревни, что расположилась на берегу реки, протекающей по заповеднику. В деревне, точнее небольшом поселке, всего тридцать домов. Их зимой заносило снегом — красота, белизна.

Племянница заканчивала заочно пединститут и работала в деревенской школе учительницей. В ее третьем классе было всего двенадцать учеников.

— Это я, — прошептала Оля. — Вы только не волнуйтесь.

— Ты почему не спишь? — приподнялась Алла Павловна.

Луна высветила проем двери и силуэт девушки как одно целое, словно в раме картины Крамского «Русалки».

— Я вам хочу сказать... — девушка спешила поделиться своей тайной. — Марина и ваш...

— Заходи, если уж разбудила, рассказывай деревенские ужасы о привидениях.

Но Оля осталась в проеме двери, птица не птица, как будто ангел из лунного воска — рождественская игрушка.

— Я не сплю, иди сюда, Оля, — Алла Павловна свесила ноги на пол. — Что случилось?

— Вы только не волнуйтесь, — говорил ангел из воска. — Это часто так бывает...

— Что бывает?!

— Это часто бывает с девочками. Ваш муж... Он... Марина мне рассказала, как он ей показывал всё.

— Что «всё»?!

— Вы только не волнуйтесь. Это бывает. У меня подруга в школе, она мне тоже рассказала про это.

— Про что — про «это»?

Алла Павловна встала. Отдернула штору — сумасшедший лунный лик уставился на неё. Оглянулась на племянницу. Рубашка с рукавами до локтей. Кто она: девушка-ангел или девушка-привидение?

Шторы ужасны. Почему она до сих пор не сменила эти шторы?! И простыня, и подушка, и книжная полка — все неестественно от лунного отражённого света. Страшно пошевеливаться.

— Оля, ты понимаешь, что ты мне говоришь?

— Моя подруга пожаловалась матери, а мать её стала ругать, — звучал Олин голос. — А потом заставила её уехать после девятого класса учиться в другой город. В училище. А она мечтала в институт поступить.

Алла Павловна молчала.

— Вы только не очень переживайте, тетя Алла. Марина окончит театральный институт и уедет.

— Куда?

— В Москву или в Америку... А вы с Марком Яковлевичем останетесь.

Алле Павловне стало ещё хуже от такого «успокоения»: «Бескорыстной любви не бывает, — отвернулась она к окну. — Любят за что-то. Дочь — соперница? Он любит Марину, а не меня. О, Господи, помилуй...»

— Оля, иди спать. Завтра поговорим.

Ангел из лунного воска растаял. В дверном проёме никого не было. Алла Павловна приложила ладонь к стеклу — круглое лицо беспризрачной луны светило между пальцев. Хотелось завить, заплакать, спрятаться. Но куда?

Луна не дает света, только отражает его. Слепая планета. Бельмо на лице неба? Что отделяет прошлое от настоящего? Время... Секунда-две, день-ночь, зима-лето... Много вех на пути вре-

мени, веки-века, как верстовые столбы. Луна, луна... Ущербно половинчатая, с ярко выраженным терминатором — границей света и тени.

Подушка — камень. Нет! Не ложиться! Не закрывать глаза. Не думать! Господи! Марк в командировке. Ещё три дня до его возвращения. А что потом?

Луна — золотистый осиновый листок, что ты прилипла к стеклу окна? Сказка — ложь, да в ней намёк.... Налетели гуси-лебеди, подхватили девочку, унесли... Нет! Не унесли. И не унесут! Алла Павловна не из тех, кто гусю перья не выщиплет!

Алла Павловна заглянула в комнату дочери. Дочка спит. Она сопит по-детски. Что будет, когда дочь проснётся? Как жить? Он... Он ей показывал всё. Что? Что «всё»? Нет! Этого не может быть!

* * *

Утро деловой женщины начинается как у спортсменов: встать, принять контрастный душ, лёгкий завтрак — и в машину. Не важно, как она спала, — надо дело делать.

Офис. Дерево с листьями из сердолика на столе. Скульптуру эту, маленькую, изящную, изображающую символ современного рая, она держала в кабинете чуть поодаль от себя — там, где садился гость. Словно дерево это было ее сообщником в бизнесе.

Символ — это скорлупа, каркас, упаковка, а внутреннее содержание у каждого своё, индивидуальное, неприкосновенно-личное. Никто не знает Аллу здесь, в офисе, такой, какой она была этой ночью.

Сегодня сердоликовые, красновато-оранжевые листья разглядывал Тигран. Массажиста Тиграна Зайцева Алла встретила с американской улыбкой.

Когда однажды дядя указал Тиграну на эту даму, что старичок задумывал? Укрощение строптивого президента торговой компании? Или у него с ней свои «тёмные аллеи»?

У Тиграна сложилось впечатление, будто она пытается быть как та ворона, которая хотела научиться походке куропатки, да забыла свою. Тепло — сосуд души. Требовалось молодое вино?

Дамский мастер? А может, и больше?! Мистер-Твистер? А может, и лучше?!

Перед ним — сердоликовое дерево. Перед ним — чёрный костюмчик, воротник с китайским рисунком — белый по чёрному. Что за штучка между грудями? Или это замочек на застёжке блестит?

Первое — определить, какой массаж сегодня произведет бóльший эффект. Второе — сам эффект! Этот эффект надо создать сразу. И чем сильнее, тем лучше. Ярче! Ярче должен быть эффект!

Он отвернулся, перебирал оранжевые листочки на сердоликовом деревце, ждал, когда она разденется и ляжет на диван.

— Готовы? Лучше быть головой мухи, чем хвостом осла, — разряжает он обстановку.

— Тигран, я как будто постарела за этот месяц лет на двадцать.

— Я верну вам эти двадцать лет за десять сеансов.

— А чем я буду обязана?

— Целитель плату не назначает.

— Вот моя бабушка тоже так говорила.

Алла легла и стала вспоминать почему-то мать. Ей мать часто рассказывала про свою жизнь. Алла могла бы написать книгу, если бы была писателем или журналистом, или историком, как Пётр Никитич, о котором ей рассказывал муж.

Теперь, после смерти матери, Алла видела всю ее жизнь иначе. Мать оживала и проживала в памяти своей дочери.

Но что делать со своей дочерью? Поговорить с Тиграном? Может быть, сентиментальная Оля всё это придумала?

* * *

Вечером, как только Марина улеглась, Алла зашла в комнату дочери:

— Давай в последний раз поговорим о гадостях. Только скажи мне всю правду, — осторожно начала Алла.

— Какую? — Марина сонно глядела на мать.

Алла Павловна почувствовала, что настоящего разговора не получится. Она словно чего-то сама боялась, а дочь ее щадил.

Алла ушла в свою комнату, вдруг вспомнила

отца. Когда-то она боялась его, а теперь ей его так не хватает. Когда отец узнал, что Алла забрала документы из приёмной комиссии университета, он схватился за ремень:

– Как ты могла?! Да я тебе!..

– Все поступают в торговый. Я хочу быть как все!

– У тебя своя голова есть?! – отец звякнул массивной пряжкой от ремня. – Думай своей башкой! Думай сама!

– Я никогда не поступлю в университет! Никогда! Не поступлю! – Алла плакала навзрыд. – Там конкурсы! Там берут блатных! Сейчас всё за деньги! У тебя деньги есть?!

– Не ори! Мозги не дешевле денег!

– Я провалюсь! А что я буду на фазенде вашей делать?! Цветочки выращивать?! И продавать на вокзале? – зло рассмеялась сквозь слёзы. – Купите...

Отец хлестанул её ремнем.

– Почему другие не проваливаются?! – размахнулся, чтобы ещё ударить.

Дочь увернулась.

И тот день Алла хорошо запомнила – впервые она не испугалась, не уступила отцу. И стала сама управлять своей судьбой. И судьба ей подчинилась. Алле удалось соединить торговлю с силовой структурой. Деньги – это власть. А власть – это деньги. Власть – это тайна и авторитет. Ей послышался голос друга из спецслужб. Нет! Голоса – это не для нее. Она дело делает. Пусть голосам предаются сентиментальные поэтессы и нервные актрисы. Связь с гэбистом она скрывала. А потом даже тайно гордилась, что она вроде как защитница Родины, может, шпиона поймает. Но прошло два десятка лет, а шпиона она так и не поймала. А связи пригодились для других целей, когда началась перестройка и передел народной собственности.

Гэбист проводил с ней профилактическую работу. Но тогда он ей казался героем еще не прочитанного романа.

Что же плакать, когда слёз нет. Вместо слёз в глазах являлось прошлое. Дети в ответе за грехи своих родителей? Что же, если король выпадает пик... (Пик – пиковый король, он же военный человек.) Не было византийского

двуглавого орла у её короля. И вообще, не был он царем, не был даже большим человеком. Он был рядовой гэбист. Работал, получал зарплату. Её магазин находился на его участке. Случайное совпадение.

Они встречались каждый понедельник на явочной квартире.

– Аллочка, каков выкуп за тебя? – обнимал он её.

– Я очень дорогая! Ты думаешь, что ты можешь меня купить?!

Они быстро перешли на «ты». А через пять-шесть недель деловые встречи перемешивались с любовными свиданиями.

– Ты не из тех женщин, которые живут ради нас, мужчин.

– Допустим.

– Я женат. Что я могу для тебя сделать?

Он смотрел ей в лицо: брови – полукруги, губы ярко окрашены, в маленьких мочках ушей – серьги и глаза широко расставлены, как у лягушки. Сельская продавщица.

Алла доила корову с шести лет, умела делать всё по дому и на огороде. Потом, когда переехала жить в город, стала этого прошлого стесняться, старательно забывая напоминания о нём духами. Над ней опять смеялись – деревенские любят дешёвые духи. Когда работала в магазине продавщицей, была весёлой и беззаботной и всегда с деньгами. Назначили её директором сельмага. А через полгода в магазине обнаружили недостачу, деньги эти – «недостача» – по тем меркам очень большие для нее. Она чуть не заболела, никого не слышала, никого не могла видеть: тогда и начала она слышать голоса. Врач с тёмными глазами и продолговатым лицом спросила: «Причина есть?» – «Есть», – ответила Алла. – «Тогда держись, а то отправят в психиатрическую». – «Сделайте какой-нибудь укол».

...Суда не было, помог друг-любовник.

– Будешь работать до пенсии, – успокаивал он ее на явочной квартире. – Мы своих людей не бросаем. Но, если узнают о наших свиданиях, тогда я уже помочь не смогу.

Она периодически встречалась с ним, рассказывала обо всех и обо всём. Но Алла побаивалась его. Этот страх не прошёл, даже когда

она родила дочь, он как будто удвоился, она стала бояться и за себя, и за неё. Агэбист пользовался её страхом, он звал ее «Алка-весовщица», «Алка-продавщица».

VIII

Иногда юной девушке бывает трудно эмоции держать при себе, как воду в ладонях. От этих думок в голове у Марины заводится какая-то паутина — в ней невозможно разобраться. Происходит что-то необъяснимое, неожиданное, чего совсем не хочется. Хочется быть честной, правильной и совершать красивые добрые поступки, а получается не так. И почему «не так», понять невозможно.

— Там привезли зверинец, пойдём? — к Марине пришла Наташа.

И вот девочки в передвижном зверинце. Звери в клетках на колёсах, только верблюдница стояла на площадке. Передний горб высокий, как рюкзак, а борода длинная, как у старика Хоттабыча. У верблюдницы уши в волосах, их почти не видно. И короткая чёлка над глазами. От чёлки до пипки носа такой седой горизонтальный лоб и нос.

— Лобанос! — засмеялась Наташа.

У ног верблюдницы маленький верблюжонок. Он качается и дрожит на тонких ножках. Верблюжонок пепельный, ушки седые, глазки чёрные, а шея, как у лебедя, длинная. Детёныш тычется мордой в её живот; а она то замирает, то вздрагивает, то толкает, то покусывает. Вот верблюжонок свою морду к прожекторам подставил — греется.

— У верблюдницы молока не хватает, — говорит работница. — Мы сдаиваем и поим его из соски.

Верблюдница легла, как холм песка. Ног её не видно. Горб торчит только передний, а задний выровнялся. Скачет верблюжонок, подгибая ножки, морковный язык показывает. Чёлка у него, как у Аллы Пугачевой, — пышно кучерявится.

— Я здесь смотрю на моих любимых животных, — говорит девочка лет семи.

— Смотри! Смотри! Вот как плюнет! — смеётся рыжий мальчик.

— Она не плюётся.

— Боюсь! Пошли! Пошли! А-а-а-а! — кричит кто-то.

— Верблюд сам пуглив, может убежать в пустыню от неожиданно выскочившего зайца.

— Верблюжонок, на печенье! — тянется детская рука.

— С днём рождения, верблюжонок!

Узкая мордочка вытянулась, открылся рот, а там красноватый язык. Взял печенье. Зевнул и лег. Опилки у него бледно-жёлтые, как песок. Смотрит на верблюдницу долго, внимательно. Верблюдница жуёт, челюсть нижняя отвисла треугольником, серые зубы терпеливо перемалывают ветки. Вся в рыжевато-жёлтых опилках.

Шёпот Марины:

— Наташ, он положил мне руку вот сюда...

— Кто? Верблюд?

— Наташ...

— Что?

— Что это значит? Его рука... Это случайно или нет?

— Кто положил? Отчим? Марин, опять о нём? А ты сама не знаешь, что значит?! Спроси у матери, если не знаешь.

— Матери нельзя говорить... Пусть хоть у нее будет счастье. Мы как эти звери — живём в каких-то клетках...

— Сама позвала, а теперь недовольна.

— Я думала, что тут весело. А тут еще хуже... Пойдём отсюда.

А в сквере — фонтан. Вокруг фонтана — скамеечки. Сели.

— Пацаны идут! — Наташа подвинулась, освобождая место.

Марина поднялась.

— Ты куда? — остановила ее за руку Наташа.

— Домой. Алёши нет, а с этими мне неинтересно.

И пошла. Куда идти? Домой? Там отчим. Марина не заметила, как оказалась дома, все дороги ведут к дому. Хотела незаметно пройти в свою комнату, но не получилось.

— Гуляла? — заботливо встретил её Марк Яковлевич.

— Да.

— С кем? — он взял её за плечи, слегка сжимая их. — Замёрзла?

— С Наташей.

Ей было приятно внимание взрослого. Но она ещё не могла отличить, где истинно отцовское, а где мужское.

— Хорошую поддержку найти не можешь? — мягко упрекнул, но руки его дрожали.

— Она хорошая, — Марина словно защищала не подругу, а себя.

— Хочешь, я покажу тебе, где мы ходили на яхте? — Он приподнял её за плечи, подчиняя своей силе.

— Какая яхта среди лягушек? — ей трудно стало дышать от его рук, словно от тисков, и она, вырвавшись, пошла на улицу.

Она хотела побыть одна, чтобы разобраться в новых чувствах, но он не оставлял ее в покое.

Вышли вместе. Смеркалось. «Лето, лето, лето твоих губ, твоих глаз...» — вырвалась песня из окна «жигулёнка».

— «И цвёл розовый шиповник, охраняя красоту свою дикими шипами. Белый донник дорожный нас встречал», — у Марка было отличное настроение, и он положил руку ей на плечо, словно защищая от ветра.

Шли по мосту. Марина веселилась, вскидывая волосы вверх, ей нравилось, что к ней относятся как к взрослой. Иногда капризничала, сунув руки в карманы. Марк то и дело поправлял ворот рубахи, то расстёгивая, то застёгивая верхнюю пуговицу.

Вдруг она села на бордюр, опасно наклоняясь. Взглянула на него с такой ненавистью, словно обожгла.

И тут же Марк подхватил её на руки, свесил через бетонные перила моста.

— Ой!!! — Марина крепко сжала его за шею, ненависть сменилась страхом. — Мама!

— Ты не бросишь меня? — Марк коварно и расчётливо ослаблял руки. — Говори! Ты не бросишь меня?!

— Нет! — мёртвой хваткой вцепилась она в его шею. — Нет!

— Будешь меня слушаться? Да или нет?!

— Да! Да...

— Никому не расскажешь?

На мосту зажглись фонари. Он поставил её перед собой. Ноги девочки стали ватными. Марк прижимал её голову к себе. Дул холодный ветер.

— Ты самая красивая, — гладил её волосы.

— Ты не любишь меня! И мама не любит! — обречённо выдохнула она. — Где мой отец?

— Ты взрослая?! — он двумя пальцами приподнял её подбородок. — Да или нет?

— Да... — она почувствовала себя взрослой, такой, как её мама. — Хочу домой! Мама искать будет. Я сказала, что сегодня с ней буду писать сочинение.

Воздух свежий воду рябит, играет речка чёрной синевой. Осень.

Вернулись, но Аллы нет дома.

Марина свернулась клубком на диване. Удивительно — она как взрослая. И улыбалась чему-то. И он любит её больше, чем маму? Вдруг дверь приоткрылась... И осталась щель. Она быстро вскочила и закрылась в своей комнате.

IX

Ночь. Луна, порождающая чудовищ. После похорон свекрови Алла никак не могла справиться с бессонницей, всё искала границу света и тени на поверхности Луны.

Луна нарождается... Граница памяти — прощение. Прощение освобождает, очищает нас от прошлого. Алла побаивалась свекрови, никогда ей не доверялась, хотя звала мамой.

За три дня до своей смерти свекровь рассказала Алле случай из своего детства. Случай этот был особенный. Свекровь рассказывала, как после ареста отца они переехали на Урал, как началась там для нее новая жизнь.

«— ...Расскажи мне все. Где вы жили? Кто твой отец? — учительница оставила меня после уроков.

— Мы жили с папой, — сказала я и заплакала. — И с мамой.

— Успокойся, — обняла меня учительница.

— У нас папа лёгчик. Прихожу домой из школы, около дома — машина, на которой папу увезли. Вхожу. Военные кидают книги из шкафа. На полу — наши шубы, плащи, папины гимнастерки.

— Где папа? — спросила я.

— Молчи, — прижала меня мама к себе.

Когда машина уехала, я опять спросила маму:

— А папа где?

— Не жди его, — мама шептала. — Не жди.

Я рассказала учительнице и стою, глядя на учительницу, — не сказала ли я ей чего лишнего.

— Не жди отца! Скажи, что он умер, — твердила учительница. — Не жди его! И никому этого больше в школе не рассказывай».

Почему свекровь раньше не рассказывала о том случае, ведь это мешало женщинам понять друг друга и быть ближе? Алла чувствовала какую-то вину перед старой женщиной, которая, уйдя из жизни, оставила какую-то часть себя в Алле.

Утро. Опять Алла почти не спала. Но приехала на работу вовремя.

Пришел Тигран ровно в назначенное время. Начал массаж. Он склонился над ней. Спина... Нормально. Хорошо. Лишних складок нет. Мышцы подтянуты. Первое прикосновение лёгкое, едва ощутимое, как ветерок. Пусть она напрягается, вслушивается, ждёт. И вот ещё лёгкое прикосновение. Очень лёгкое. Ещё чуть-чуть. Под его руками тело жило, играло, пело, отзывалось на каждое его движение.

Он изучил все типы массажа и открыл для себя, что массаж — это дело! Дело для его рук. Ему нравилось думать, что будто бы двадцать пять тысяч лет люди лечат друг друга массажем. Фёдор Фёдорович многое своё, нереализованное, передал племяннику. И теперь племянник материализовывал его идею. Массаж — это менее тернистая дорожка к женщине.

Алла лежала спокойно.

С клиентом не надо торопиться. Даже если светило расколется пополам, то мы узнаем об этом не сразу, а только через восемь минут. Восемь минут массажа — это начальный курс, его придумал не Тигран, это идея дяди. Ах, дядя, дядя....

Алла не думала о Тигране. Она выделяла для себя совсем других мужчин: ярких, напористых. Он далек от её идеала, что ж, тем лучше, значит, никаких сердечных мук ей не предвещает. Но в его руках что-то есть, что не оставляет равнодушной... Что ж... Небольшая разрядка ей не помешает... Мужчины к этому относятся проще, а может, они правы? Не надо усложнять...

— Сними очки, — попросила она. — Очки портят...

Он снял молча.

Алла посмотрела на него затуманенным взглядом. Тигран — курчавый брюнет, южная зима.

— Висит груша, нельзя скушать, что это такое? Ну, что это такое? — в его голосе — игра.

— Я не девочка...

— Да это... Это воробей на ветке!

Вот его руки коснулись ее поясицы.

— Вас знает весь город, — дарит ей комплимент. — Надо быть в хорошей форме. Вам нужны надёжные руки, которые держали бы вас в хорошей форме...

— Президент международной компании — думаете, это так просто? — усмехнулась Алла.

— Вы ведь ещё входите в Российский конгресс финансирования инвестиционных проектов! Вы удивительнейшая женщина.

Он бросил взгляд на стены: два портрета президента, оба смотрят на деревья с листьями из сердолика и слегка улыбаются друг другу. Портрет, что поменьше, подарил генерал Тараканов (однофамилец); портрет, что побольше, — глава города.

— У вас аналитический ум! Организаторские способности! — снова спешил Тигран Зайцев польстить даме. — Вы просто героиня романа!

— Да? — ослепляет она улыбкой.

— Говорят, полмиллиона лет назад луна была огромна, в пол-окна...

Тигран любил смешивать оттенки чувств, как акварельные краски. Он взялся бы писать роман об Алле Таракановой... И чего только не напечатали про Аллу Тараканову в газетах! Сколько талантов открылось! Агитатор! Её пламенная речь не только воодушевляла, но и приводила людей в движение, выводила на митинги. Актриса! Меценат! Энтузиаст! Напишут же! Ещё, газетчики писали, она любит говорить, что на женщине держится семья, а на семье — государство.

Когда утомлённая роскошью деловая женщина станет просто женщиной? Может быть, ей только и хочется — стать женщиной. Он попросил перевернуться на живот. Нога Аллы — у него на бедре, колено отведено на себя. Вот он кладёт ладони выше её коленного сустава.

Тигран опирается коленом на кушетку.

Она что-то говорит. Обычно пациентки молчат. А она говорит, разрушает интимную тишь.

— Алла Павловна, вам удобно? Хорошо?

— Классно! — выдохнула она.

— Этот массаж я делаю спортсменам в промежутке между нагрузками. Но разве бизнес легче спорта?

— Вот ты понимаешь меня.

— Я стараюсь понять, — голос Тиграна будто манил, — если женщина одинока, то что-то у неё случилось с мужчиной, может быть, с первым мужчиной, и, может быть, в первую ночь... Можно задать один не совсем скромный вопрос?

— Задай, — она сама не ожидала от себя.

— Как долго вы были с мужчиной в первый раз?

— С первым мужчиной? — Алла напряглась.

— У меня даже фотографии его не осталось.

— Сожгла?

— Порвала. Вначале был «он».

— «Он» непременно с большой буквы?.. — собирал информацию Тигран.

— С двух больших. ОН — это моя любовь, это мой первый мужчина, это... Это моя первая глупость. А для «НЕГО» была важнее не я, а он сам. Он — это всё! Письма он писать начинал со своего имени, ему кто-то сказал, что его дед был дворянин.

— Работоспособность ваших мышц восстановится значительно быстрее.

— Он... Он лишил меня ответственности с фанатической верой в своё предназначение, как вождь африканского племени, — она рассмеялась с какой-то болью и сарказмом. — Я орала как безумная.

— Минуту, две, три?..

— Я орала долго. Это не три минуты... — припоминала Алла.

— Сколько?

— Может быть, полчаса. Я заснула девушкой, а проснулась в кошмаре...

— Мерзавец! — голос Тиграна дрожал. — Лучше церковь сломать, чем девушку опозорить.

— Алла впервые слышала такое сравнение. — Варвар! — негодовал Тигран.

— Я ни с кем об этом не говорила...

— Каждая клеточка тела имеет свою душу... Я верну вам силы. Когда вернется энергия, вернется и желание любить.

— Завтра конференция, — сказала она. — Я должна выглядеть блестяще.

Массаж закончен.

Алла подала ему конверт цвета свежего коровьего молока (внутри — триста долларов). В верхнем углу — земной шар в виде яблока-искушения. Три листочка на маленькой веточке. Яблочко разрисовано под глобус. Ниже яблока-глобуса слова: «России — с любовью».

— Я тебе говорила о нашем конкурсе... Если у тебя есть девушка на примете, ты скажи. Будут ценные призы. Подумай, только не тyani, — предложила Алла.

Тигран кивнул.

Листья из сердолика играли дорогим солнечно-оранжевым блеском.

— Я ведь хотела быть журналисткой, а не торгашкой, — Алла разоткровенничалась. — И женщиной меня сделал мой родной дядя, когда я спала. Легкое дыхание моё ему, видите ли, нравилось. Как с беспризорной дурочкой расправился. И я ведь никому не рассказала.

— Жить надо, а не вспоминать.

Она продолжала:

— ...Представь себе, идут приёмные экзамены. Я вначале сдала документы в университет на факультет журналистики. И вдруг на танцах встречаю друзей — они поступают в торговый. Моя подруга — с парнем, с которым я ходила! Меня родители не пускали в клуб, ходила втихаря. И тут я забираю документы из университета. Кидаю свою мечту, свою журналистику. И несю документы в торговый институт. Я понимаю, что меняю... Меняю свою жизнь.

Тигран взял ее за руку...

Сердоликовые листья не шелохнулись.

— Именно сейчас я совершаю ошибку... Ты испортишь мне всю конференцию.

Она вспомнила себя-девочку. Пляж деревенский — чистый, почти лазурный песочек, камыши, трава-мурава, белая кашка и муравьи, заползающие на руки, на ноги, на спину. И была лодка с одним веслом. Загребёт Алла с книжками-учебниками в заросли перечной мяты и разглядывает жучков-паучков, бабочек-стрекоз. Мята дурманит, опьяняет.

Но то лето было особенное: солнце, жара изо дня в день.

— Предметы вступительных экзаменов абсолютно разные: представь — журфак и торговый. Готовилась я на речке. А дома прятала учебники.

Обгорела! Жуть! Представляешь, вся облезла и температура — сорок! Разоблачили меня родители только на третьем экзамене, — улыбнулась прошлому ясной светлой улыбкой.

Она замолчала.

Когда Тигран уходил, дверь хлопнула от сквозняка. А она невольно вспомнила первого мужа. «Я не знал, что ты продажная», — сказал ей муж и хлопнул дверью.

Алла была уже в положении, когда ушел отец Марины. Метнулась туда-сюда — делать нечего. Родила девочку. И через год после родов — первая поездка за границу. Это для нее, продавщицы, было открытием другого света.

Есть, значит, золотая рыбка, которая исполняет желания. И потом — вторая поездка. И в третий раз невод поднял её со дна морского. Круиз по Европе! Это в советское-то время! Обыкновенной продавщице! Деревенской девчонке! Она сделала одну услугу, другую, третью...

Эти ступени восхождения она рассказывала и журналистам. Особая степень свободы — свобода от собственного прошлого. Выходить из кабинета Аллы нужно через магазин. Всё здесь импортное, дорогое. Унитазы из всех стран мира. Она собирала их и привозила отовсюду, где бывала. Как-то она привела сюда племянницу Олю, и та с таким восхищением разглядывала эти коллекции, что Алла, не удержавшись, громко рассмеялась, отражаясь во всех зеркалах.

Х

Оля любит приезжать в город к тёте Алле, гулять по проспекту, заходить в дорогие, красивые магазины. Вот и теперь между двумя арками — магазин. Сияющие витрины веселят, зовут-заывают прохожих. Оля зашла-заглянула в магазин. Головокружительные запахи! Застыла перед множеством оттенков помады. Сказка! Чудо! Продавщица в синем брючном костюме подходит:

— Вас что-нибудь интересует?

Оле неловко, что ничего не может себе позволить из этого магазина, а может только мечтать о принце, который приведет её сюда перед свадебным путешествием и купит всё, что она захочет. И непременно поедут в Париж!

Вот в магазин вошла женщина с белым длинным шарфом и книгами.

— Вы не читали эту книгу? — спросила она человека в чёрном длинном плаще.

— Я не читаю таких книг, — неприязненно ответил он.

— Вам не нравится обложка? Книга в мягкой обложке дешевле стоит. Всего двадцать пять рублей.

— Я такое не покупаю, — пренебрежительно сказал он, прижимая к груди чёрный пакет.

Как только человек в чёрном плаще заговорил, к ним приблизилась продавщица.

Женщина с книгами, невысокая, хрупкая, но какое-то странное упорство было в её глазах.

— Кто вам больше нравится: Чехов или Бунин? — допытывалась она.

— Это что — допрос? — человек раздражается.

— Вы даже не поинтересовались, кто автор этих книг.

— У меня нет времени, — сказал чёрный плащ и продолжал стоять, словно ждал ещё вопроса. — Почему ходят здесь всякие попрошайки? — строго спросил он продавщицу.

Оля застыла, поражённая грубым тоном как громом среди ясного неба и ослепительной роскоши.

Женщина в белом шарфе молча сжимала книги. Молчала и продавщица, только покорно смотрела на витрину.

— Уходите отсюда! — грубо сказал чёрный плащ.

— Почему вы так разговариваете?! — вдруг возмутилась женщина с книгами. — Вы отстанете от жизни, если не будете интересоваться культурой.

— Пошла отсюда! — чёрный плащ выдвинулся вперед. — Выведите её!

— Вы никогда не будете директором! — сказала ему женщина с книгами. — Вы так и останетесь охранником!

Оля понимала, что женщина только защищает себя и книгу. Что за книга? Разве это магазин книг? Мужчина в чёрном плаще отошел в глубь зала, держа под мышкой пакет.

— Это хозяин, — указала на него продавщица.

— Он?! — женщина с книгами не могла скрыть удивления.

Оля тоже удивилась и не поверила. Это ему

принадлежит французская помада, духи — всё, что так благоухает и сверкает здесь?

— Вам не позавидуешь! — сказала женщина и поправила свой белый шарф. — Как вы с таким работаете?

— Он организовал это дело, — равнодушно ответила продавщица. — Мы все получаем зарплату.

Оля смотрит в чёрную спину хозяина. Он оборачивается и смотрит на неё. И ей вдруг становится страшно. Вот хозяин идёт к двери.

Маленькая женщина — за ним:

— Вы боитесь? Вы убегаете?

Вышли из магазина.

Он идёт медленно, словно чего-то ожидая.

— Для вас проблема двадцать пять-пятьдесят рублей? — догоняет она, прижимая книги. — Тогда вы должны были сказать: «Извините, у меня проблемы, я не могу вам помочь!» — её белый шарф играл на ветру.

— Пятьдесят рублей — не проблема. Попрошаек не люблю, — чеканит он.

— Почему ты хамишь мне?

— А кто ты? Побирושка! — слово-пощёчина.

— Ты когда-нибудь был на Западе?

— Я всё объездил!

Сверкающая витрина освещает проспект. Женщина с книгами идет след в след за мужчиной, словно вокруг все заминировано. Оля идет за женщиной.

— В натуре! Чего тебе надо? — остановился он. — У нас кончился социализм, кончилась демократия! — начал он заводиться. — Идите полы мыть, если у вас нет денег. Писатели-артисты! Развелось вас тут! Корми вас!

— Почему вы привозите с Запада худшее? — кричит она.

— А ты мне суешь всякий хлам зачем?! Короче! Шолохов не бегал со своими книжками! Шолохов сразу стал известным! И Есенин! Повесился мужик, чтобы стать известным. А вы не повеситесь!

— Есенина убили, — она отбросила конец шарфа за спину.

— Повесился! Уже знают даже школьники, — обернулся черный плащ.

— Его убили! Вы отстали от жизни на семьдесят пять лет. Его убили и потом повесили.

— Кто убил?

— Охранники хозяина. Что вы делаете с Россией?! — в голосе женщины отчаяние. — Через колени людей ломаете... Из нормальной страны делаете концлагерь! Это же твоя Родина.

— Что ты идёшь за мной?

— Пытаюсь достучаться до тебя как до человека, — белый шарф перекинулся со спины на грудь, затрепетал от сквозняка из арки.

— Пошла вон!

И вот её белый шарф возле его руки, она словно девочка рядом с этим мощным мужчиной. Вдруг! Раз!!! Взметнулся шарф. Женщина приподнялась, стала выше, словно кто-то её поднял. И ударила его по лицу. Бац!

— Я воевал! — заорал он и схватил её за концы белого шарфа. — Убью!

Он тащил ее в глубокую темноту арки. Черный плащ растопырился, как крылья коршуна. Удар ногой. Еще удар. Спецботинки в чеченской крови или в русской грязи? Вот женщина медленно оседает у чёрной стены, книги упали и раскрылись, как белые оконца в темноте. Она не кричит.

Он злобно поносит её матом. И бьёт.

— Убью! Падла!

— Помогите! — вскрикнула Оля. — Кто-нибудь! Помогите! Люди! Убивают!

Закричала Оля и почувствовала, как оболочка страха разорвалась от ее громкого голоса.

— Помогите! Люди! Да остановитесь же!

Успел ли Есенин ударить первым? Что он делал, когда его убивали? Как он шёл на свою гогофу и нёс свой крест?

— Помогите! — крикнула ещё громче Оля.

— Сука! Работать не хочет! — хозяин размахнулся, чтобы ударить, но голос девушки с улицы пронзил его мозг молнией, мелькнула мысль: «Убью — посадят!», и он направил удар ноги в стену. Посыпалась штукатурка. Он смачно сплюнул в лужу с белым шарфом.

— Помогите! — закричала Оля пронзительно и громко — на весь город.

Люди шли мимо. Напротив арки стоял новенький «Пежо». Из машины появились костыли, потом, опираясь на костыли, выбрался худощавый молодой человек:

— Что здесь происходит?! — мальчишеским срывающимся голосом взорвал он темень арки. — Что вы здесь делаете?! — как ангел-зас-

тупник, в конце арки возник юноша. Вспыхнул золотистый свет — свет голоса, свет помощи — и озарил темень.

Как крыса, хозяин бросился в черную глубину арки. Темень проглотила его.

Женщина встала, пошла на свет в конце арки, там, где остановились девушка и молодой человек.

Но юноша уже подошёл к машине и, забросив костыли на заднее сиденье, сел за руль. Женщина заглянула в открытое окно:

— Как вас зовут?

— Дмитрий... Перевозов.

Рядом на сиденье — Сартр. Книга раскрылась на предисловии: «Многие читатели, наверное, заметят, что в этом произведении я кое-где переступаю литературные границы...» Но после этой арки Сартр перестал интересоваться Дмитрием, книга как-то странно померкла перед жизнью. Если мурашки бегают по спине, значит, то самое, что заставляет меркнуть одно явление перед другим, более мощным. И молодой человек бросил Сартра на заднее сиденье.

У арки осталась стоять только Оля. Остальные проходили мимо, как и несколько минут назад, не реагируя на ужасные гримасы города.

— Вы учительница? — спросила Оля женщину.

— Да... Это встряска. Лекарство от иллюзий... Если бы он стукнул всерьёз, от меня бы ничего не осталось. Он запугивал. Ничего. Завтра... Это, конечно, завтра всё заживет. Но сегодня?! Как прожить день сегодня?! Там остались мои книги...

Они вернулись в арку собрать книги.

— А Есенина правда убили? — Оля помогала собирать книги. — Он не сам повесился?

— Есенина убили, Есенин не повесился. Я люблю Сергея Есенина. В нём столько света! Даже сквозь черноту пробивается свет! «Чёрный человек, чёрный, чёрный...» — и расплакалась, прикрывая лицо концом белого шарфа. — Вот мы сейчас видели этого чёрного человека.

— Вам больно?

— Ничего, я споткнулась о камень... — Спрятать лицо! Лицо — в руки, руки согнуть в локтях и сжаться. И ни о чём не думать. И ничего не чувствовать! Тогда не страшно.

Женщина закрыла лицо ладонями, словно

её всё ещё бьют. Спрятаться бы куда-нибудь... Но куда? В черноту паранджи? Чёрный серп карниза арки, как магический знак, стоял перед ней. Страх, как гипноз, парализовал волю. Но вот она сбросила страх, словно паранджу, и убрала руки от лица... — потом посмотрела на девушку и спросила:

— Как тебя зовут?

— Оля.

— Оля, вот мой телефон. Может быть, и я тебе пригожусь.

XI

Все женщины, которым Фёдор Фёдорович помогал, покровительствовал, по-своему любили его. Эту плату он принимал с должным пониманием. Когда он чувствовал, что любовь утекает и остается только необходимость в нём как в покровителе и спонсоре, он спешил вернуться к семейному очагу, к покою. Очаг ему жена сохраняла с упорством хозяйки зимовья, когда хозяин уходит в тайгу за добычей.

Зимовьем им служила четырехкомнатная московская квартира, добротная, благоустроенная.

— Таёжная женщина, — с ласковым упрёком говорил он жене. — Внучка таёжного охотника! Тебе, Наина, не идут эти рогалики! Сними!

— Это не рогалики, это бигуди, — обиделась Наина и напомнила: — У меня отец был охотником! Да! Моё детство прошло в тайге! Я сильная женщина! А ты?

— Не ругай меня, родная. Я ведь не разошёлся с тобой! Они тоже страдают, эти женщины. Давай тихо-мирно пообедаем. И с головы сними, пожалуйста... эти... От них отрицательная энергия исходит.

— От чего? — жена отвернулась на мгновение от кастрюли.

— От бигуди...

— Они, твои эти женщины, «страдают» на пустом месте! От собственной пустоты! От ничтожности! — Наина рывком поставила перед ним тарелку. — Нашел ты в этих женщинах что искал?

— Почему же от ничтожности? — Фёдор Фё-

дорович взял ложку. — Они тоже хотят любви.

— Подлинные страдания делают человека высокодуховным! — жена выпрямила уставшую сутуловатую спину. — Страдания воспитывают человеческое достоинство!

— А пирог готов?

Она промолчала от обиды. Пирог готов, но ей не хотелось кормить его пирогом.

— Давай попробуем твой пирог с грибами, — миролюбиво предложил он.

— Подлинные страдания дают чувство радости бытия! — она прошла к двери. — Так говорили во времена нашей молодости!

— Произошла смена формаций. Нас с тобой живыми сдали в историю! Как приятно пахнет грибами! — потянул носом.

— Ты еще и шутишь?! — Наина сдерживала себя, ей не хотелось ссориться, а только мужа усмирить. — Это высокие понятия: честь, верность, гордость! Так говорили в девятнадцатом веке!

— Да они просто страдалицы! — взгляд Фёдора Фёдоровича блуждал в поисках пирога.

— Твои «страдалицы» страдают от того, что никому не нужны! — сказала жена с усмешкой и обидой. — И не сравнивай меня с ними!

— А вот Анна Каренина? — Фёдор смотрел удивлённо на необычно возбуждённую жену. — Она тоже страдала...

— Анну Каренину, пожалуй, можно назвать страдалицей, пленницей, — согласилась, усаживаясь за стол. — А твоя Алла с какой духовной высоты упала?

— Она свою жизнь живёт, — опустил ложку в горячий бульон и выловил гриб, морщинистый, с тоненькой ножкой. — Помнишь, как мы с тобой эти опята собирали под снегом? А сколько их было!

— Да, опят было море! Я собирала, варила, сушила!!! А она что делала?! Сидела с водкой и сигаретами по чужим кухням и мастерским?! Валялась в чужих постелях с чужими мужьями?! И за это «падение» вы их любите?!

Он склонился над тарелкой:

— А кто без греха?

— За красивыми словами прячется пустота! — выплеснула в него, словно ушат грязи, и удалилась из кухни.

Фёдор начал торопливо вылавливать грибки

из супа. Потом встал, прошёл в прихожую. Не прихожая — холл. Всё-таки ремонт в прошлом году они сделали хороший, хоть и дороговатый.

Справа, за раздвижными зеркалами, — шкафы для верхней одежды: двумя ступеньками выше — мягкий уголок из кожи. Бра над журнальным столиком. В зеркалах, как в Петродворце, — перспектива простора. Это самая большая находка дизайнера. Зеркала отражаются в зеркалах, и возникает иллюзия бесконечности.

— Вот! — подошла жена, потрясая конвертом. — Смотри! Ты ждал? Ты ждал этого?!

— И что же она пишет тебе? — будто в шутку заметил он.

— Я не читаю чужих писем! — рубанула жена.

— Не надо, не надо, дорогая... — Фёдор отступал. — Я разрешаю тебе читать. Читай вслух. Ты даже можешь сама ответить ей. Да! Ответь ей сама.

— Ты хочешь? — Наина даже растерялась.

— Я забыл тебе сказать! Она звонила: приедет.

— Она хочет приехать? — Наина тряхнула головой, брякнули рогалики бигуди. — Приехать к нам на дачу?!

— Да. С дочкой.

Наина засмеялась, подскочила к полке, взяла Хемингуэя: «...Ей нравилось, как он старался услужить ей...»

— Вот... «кошка под дождем»!

— Что? — Фёдор поднял бровь.

— Она ... кошка...

— Ну какая она кошка?

— Кошка... под дождём... Она хочет чувствовать себя значительной?! А на самом деле она просто судорожно сжатый комок.

Он любил этот рассказ и когда-то, ещё до свадьбы, читал «Кошку под дождем» вслух своей будущей жене. Ему чем-то очень нравилась эта американка...

— Сейчас мне больше по душе рассказ «Там, где чисто, светло». Я уже стар, как тот глухой старик, дорогая. Помнишь, как он молился? «Отче ничто, да светится ничто твое...» — сказал он примирительно. — Я из тех, кому ночью нужен свет.

— Ты ешь из моих рук! — Наина снова взвилась. — Я кормлю тебя, как ребёнка!

— Суп остынет, Наина! Ты так хорошо его приготовила. Ты размачивала опята в молоке? Они как свежие! — Он проглотил несколько грибочков. Зачерпнул еще ложку. — Все-таки суп хорош, хорош. Но что же не можем нормально сотрапезничать сегодня!

Пригибаясь, осторожно подкралась собака и стала тереться о его ногу. Они вернулись к грибочкам.

— Я так устала с детьми! Сколько я моталась с тобой по тайге! Сколько натерпелась от свёкра! Он менял жен, как ты — перчатки. Семидесятилетний старик и двадцатилетняя девица. Это смешно и стыдно. Эта уличная девка ему родила ребенка. Но ведь ты знаешь, что это не его сын.

— О Господи, — Фёдор картинно закатил глаза, — если ты есть, пожалей меня, старого и седого. Последняя жена моего отца — актриса. И мой отец её любил.

— У него было четыре жены! — не унималась Наина. — И всех любил?!

— Любовь дает радость жизни. Господи, моё сердце, мой мотор... — почти простонал. — Болит. Наина, пожалей!

Собака стояла перед дверью и нервничала. Это было довольно ревнивое существо. Если в её присутствии кто-то пытался погладить, приласкать другое животное или человека, она тут же начинала лаять, метаться.

— Господи! Всё я потерял в этой жизни! — Фёдор наклонился к собаке. — Это была последняя любовь. Прости.

— Вспомни, как ты уехал в Питер и хотел там жениться?! — снова заводилась Наина. — А Дальний Восток?! От Москвы до самых до окраин... Ха!

— Ты смеёшься?!

Собака вскочила, залаяла.

— Таёжная женщина. Я привёз тебя из глухой тайги, — напомнил Фёдор Фёдорович. — Да, я был слаб. Да, я увлекался. А кто без греха, пусть бросит в меня камень!

— И это говорят о женщине! — взвизгнула раскрасневшаяся Наина и звякнула бигуди.

— Но я не бросил тебя, — пытался урезонить супругу Фёдор Фёдорович.

— Да ты хуже сделал! Я бегала за тобой, за пьяным, по вокзалам! Я отмывала и отчищала тебя от всей этой грязи!

— Дорогая, не надо больше, — Фёдор Фёдорович пытался пойти на мировую.

Но Наина не отступала:

— Всё! Ухожу! Расскажешь детям, как ушла их мать! — И выскочила в прихожую. Закрылась в своей комнате.

— Кончай спектакль! Занавес! — он прислонился к стене и, держась за сердце, стал тихо сползать вниз. — Ничего в жизни у меня не осталось.

Наина резко распахнула дверь.

Собака кинулась к хозяйке с визгливым лаем, подпрыгнула и лизнула в лицо. Женщина была бы счастлива, если бы всё это проделал муж... Если бы Наина увидела от него хоть десятую долю этой собачьей любви и преданности...

— Ой! Мне плохо. Наина, ты доведёшь меня, я, честное слово, умру.

Собака заскулила, принялась лизать и его лицо.

— Суп остыл. Достала бы настоячки на кедровых орешках. Я ведь с тобой не разженился.

Он вспомнил тайгу. Они в тайге делали примирительную настойку на кедровых орешках.

— Фёдор, знай, если ты уйдешь к ней, я покончу с собой! — в её голосе звучала неподдельная драма.

— Я же тебе всё рассказываю, — в очередной раз пытался он урезонить жену.

— Ты говорил, что ездил на конференцию, но я позвонила... Я вчера позвонила, Фёдор. Теперь я всё знаю! Вот мне абсолютно не прищуща провинциальность, как говорил твой отец. Это ведь не географическое понятие, как мешанство, — не сословное.

— Когда ты ругаешься, собака скулит. Перестаньте обе. Звонит кто-то. Слышишь? Возьми телефон...

Она бросилась к телефону: «Да! Слушаю вас! Кто? Марина? Какая? Дочка Аллы Павловны Таракановой?»

XII

Когда Марине скучно, она ласкает кошку. Свою кошку Катю Марина любит и как куклу, и как маленького друга. Ничего, что этот друг с хвостом, мало ли что у кого может

вырасти в процессе эволюции, еще неизвестно, кем были люди до того, как они очеловечились. Говорят, даже обезьянами. А чем кошка глупее обезьяны?

— ...Марина, кушать!..

Семья в сборе. Обедают. Но как это скучно!

— А где Катя? — вдруг спохватилась Марина. — Пойду ей что-нибудь дам...

Но в комнате кошки не было: не было её ни под шкафом, ни под диваном, ни в углу за телевизором.

— Кис-кис-кис! — Марине хотелось плакать.

Мама стала тоже звать, и Оля кричала: «Кис! Кис!»

Но в доме кошки не было.

— Вот что значит материнское сердце! — ляпнула Оля, но Марина этой шутке обиделась.

А Оля опять шутит:

— Катя, а, Катя, где твой папаша, а?

— Оля! — вмешалась Алла Павловна. — Что за вопросы?

— Я о кошке...

— Понятно, что не о собаке...

— Олечка, а ты не хотела бы быть на месте этой кошки, которая гуляет сама по себе? — разряжал обстановку Марк Яковлевич.

Оле нравилось, что Марк Яковлевич деликатный и с чувством юмора.

Оля и Алла Павловна высочили искать на улицу. Марк Яковлевич остался успокаивать Марину:

— Моя хорошая, любимая, родная, не надо плакать, — Марк Яковлевич стоял перед Мариной и гладил её по щекам, по голове.

— Не трожь меня! — дернулась девочка от рук отчима.

— Марина! — он близко-близко, он заглядывает ей в глаза, отгибая её ладошки. — Ты плачешь или смеёшься?

— Я не хочу так, — пыталась освободиться от его рук девочка.

— Как? — он опустил на колено. — Как ты не хочешь? Скажи!

Марина молчала, отворачивая лицо.

— Скажи мне, Марина, как ты хочешь и как ты не хочешь. Я всё сделаю для тебя.

Он поднял её на руки и стал носить по квартире как маленькую. Она шептала: «Не надо...»

— Ты ведь не бросишь меня?! — ему ударило в голову от близости с ней.

— Я уеду! Сделаю загранпаспорт и уеду, — вдруг неожиданно в её глазах вспыхнули зеленые решительные огоньки.

Вдруг дверь отворилась и вошла Алла Павловна.

— Ты что, Мариночка? — Алла Павловна пристально посмотрела на дочь.

— Мама!

— Что?! — растерянно смотрел на жену Марк и поставил падчерицу на пол.

— Нашли Катю? Нет? Я сама пойду! — раскрасневшаяся Марина побежала в прихожую. Обулась-оделась — и в дверь. Выбежала на улицу и через три дома слышит — бабка бубнит:

— Брысь! Брысь пошла!

— Это наша кошка! — подскочила Марина.

— Кошка, что ль? — старческим голосом прохрипела бабка.

Кошка изогнулась, шипит на бабку. Марина схватила животное, а руки трясутся: «Катя! Катенька... Катюша... Всё! Успокойся! Тебя больше никто не посмеет обижать! Пойдём домой. Пойдём к маме».

XIII

Алла Павловна вернулась с работы домой почти в полночь. Отпустила водителя, постояла во дворике: звёзды рассыпаны, словно хрусталь. Вот туя, темная, величественная, вот раскидистое деревце грецкого ореха, вот скромная лиственница и вечнозеленый молодой кедр. Она специально приглашала садовника, чтобы разбить ландшафтный сад около дома. Европейским стилем своего дворика она гордилась, называя его «мадридским». Раньше, при советской власти, и дома, и дворы были похожи один на другой, как в фильме «С лёгким паром». Сколько раз крутили по телевизору на Новый год, а ведь не надоедало... Алле Павловне нравился новый стиль: покупать всё лучшее, всё самое красивое. Хорошее дешёвым не бывает. Хорошо, когда есть вот такое маленькое пространство, отгороженное от улицы, от чужих, от нищих, от бомжей и бомжовых собак. «Только от чу-

жих кошек ничем не отгородишься», — подумала и усмехнулась.

— Кошки гуляют сами по себе? — в прихожей встретил Марк.

— Ты ревнуешь? — спросила она недружелюбно.

— Ты вся светишься! — он подмигнул. — Поделись тайнами мадридского двора.

— Засветишься тут! Устала я!

Марк помог ей раздеться и, ставя ее туфли на полочку для обуви, шутиливо спросил:

— Как президентские дела?

— Завтра конференция.

— Слушай, давай рванем на Гавайские острова все вместе, — подал ей комнатные тапочки.

— Ты знаешь, какой у меня завтра день?! Не до шуток.

Алла прошла на второй этаж в свою комнату. Тахта с золотисто-розовым покрывалом приямта. Опять Маринка валялась! Жили-были муж с женою, у них была дочка... Алла плюхнулась на тахту и попыталась представить себя юной, как её дочь. Не удалось, и она встала. Переделалась, спустилась в столовую.

— Ты не звонила? — Марк протирал салфеткой очки.

— Не было ни минуточки.

Он ухаживал за женой: принес бокалы для вина на подносе.

— Иди спи, а? — Алла взглянула на мужа снисходительно, с какой-то материнской жалостью. — Спасибо, но... Ложись, а? Я устала...

— Ты стала бизнесвумен, — он хотел шутить, но он не мог, он был задет этой снисходительностью. — А я хочу бабу. Женщину хочу!

— Тебе одиноко? — медленно пила вино.

— Я не одинок, — мотнул головой, но всё равно вызывал к себе жалость, как ребёнок.

— Что с Мариной?

— Она серебряными яблочками играет на золотой тарелочке... А гуси-лебеди прилетели... — он неприятно усмехнулся.

— Перестань! В школе как? — напряглась Алла.

— Марина — умная девочка...

— Умная, когда десять репетиторов натаскивают! — съязвила Алла. — Я была отличницей и без репетиторов. Я хочу отдохнуть!

— В твоей деревне не так трудно было быть

отличницей... — Муж застегивал верхнюю пуговицу на рубашке.

Он старался быть безукоризнен, чтобы хорошим мнением о себе, как алиби, обеспечить себе безнаказанность.

Но уснуть Алла Павловна сразу не смогла. Она лежала и думала. Потом встала, подошла к окну: луна круглая и беспристрастная висит над землей. Светит не светит, а так, холодом обдает. Легла одна в холод тонкого белья. Вспомнились вступительные экзамены... Хотела быть журналисткой, а пошла в торговлю... Почему ей так плохо, откуда такая тоска? Живут люди. Наполняется всякий чем может. Этот Тигран... Алла усмехнулась. (Она научилась не жалеть себя и, когда кто-то её жалел, — расслаблялась... Слабость, безволие не лучшие помощники в бизнесе — здесь нужен хищный разговор с очаровывающей улыбкой.) В полнолуние всколыхиваются, приливают чувства, как вода в море. Чувства выходят из берегов. Вот она услышала голос птицы... Птичка? Она встала. Отдёрнула штору. В небе бледно-голубом — розовые волны рассвета. Ей захотелось услышать Тиграна, и она позвонила ему...

Утром встала, оделась и вышла к завтраку, свежая, бодрая. Марк, наблюдая за женой в дни особенно бурной её общественной деятельности, удивлялся, откуда такая энергия. Раньше он любил эти приливы в ней, но теперь избегал. Марку теперь больше нравилась роль отчима очаровательной девочки. Когда хотелось ласки и нежности, он думал о юном непорочном создании. Иногда он заставлял себя думать о вечном, а думал о женском... Мысли колесили по его сознанию как по бездорожью. Он вспомнил одну повариху на турбазе, любовницу шефа. Толстая, неряшливая, она укладывала семилетнего Марка с собой спать, и его рука проделывала то, что он сам понял лишь десять лет спустя. Марк был достаточно хитрый и осторожный человек, чтобы не обнаруживать своих чувств. Об этой поварихе не знал никто, но почему-то сам он о ней помнил непрерывно. Если и встанет на колени, то взглянет — чисто ли то место, куда он преклонил колени. У него тренированная память на фамилии и даты. «Ходячая энциклопедия» звала его Алла. Он видел: девочке нра-

вится, что он ей уделяет внимания больше, чем матери, что он знает больше, чем мать. Марина расцветала на его глазах. Как приятно ему было это наблюдать! Марк выискивал десятки примеров из жизни знаменитых людей, которые любили таких же юных девочек. В этих книгах и были его заповеди, по которым он сверял свою жизнь. Когда читал Библию, Марк нашел в Ветхом Завете в Третьей книге Царств притчу об Ависаге. И поразился. Он выучил её чуть ли не наизусть: «Вирсавия пошла к царю в спальню; царь был очень стар, и Ависага Сунамитянка прислуживала царю...» Красивая девица Ависага ходила за царём и лежала с ним, чтобы было ему тепло. И никаких конфликтов среди женщин не было, был мужской миропорядок. Когда же возникла наша современная ревность?..

XIV

У Марка Яковлевича было много женщин, он уже отвык их ревновать — не считал нужным. Одно время, как он любил говорить, у них был «роман» с Анастасией. Теперь Марк наблюдал за Анастасией как бы со стороны. Он удивлялся ее страсти к литературе и разного рода газетному сочинительству. Хорошенькая женщина, а одинока. Пишет, пишет... «А жить когда?» — спрашивал он её. А она отвечала: «Я живу в литературе...» Теперь они считались друзьями. Он иногда напрашивался к ней в гости и рассказывал пикантные истории из жизни публичных людей, приносил газеты типа «Спид-инфо» с мыслью, что она вставит любовные сцены в свои сочинения.

— Анастасия! Зачем ты пытаешься казаться не такой, какая ты есть? — он пил чай с клубничкой.

Она смяла пальцами сочную ягоду:

— Вы, мужчины, до сих пор не способны понять женщину. Вам хорошо с теми женщинами, которые играют... Вы играете друг с другом, поэтому друг друга не знаете.

— Я тебя знаю, Настя, — Асляк самодовольно ухмыльнулся.

Анастасия взглянула строго:

— То, что было между нами, ничего тебе обо

мне не говорит, — провела руками по щекам, словно умылась.

— А что же, по-твоему, это было? — он испытующе посмотрел на бывшую.

— Взрыв гормонов! — выпалила она и потёрла нос.

— Почему ты хочешь все наши отношения затереть, как файл на компьютере? Я что-то делал не так? — полуласково продолжил он и поставил чашку на стол.

— Ты делал всё не так! — отчеканила Анастасия.

Он до безумия был увлечен ею когда-то, но абсолютно равнодушен к её сочинениям и изложениям. И даже имел неосторожность ей об этом сказать.

— Ты обижаешься, что я не хвалю твои сочинения? — поправил очки, улыбаясь.

— Будь мужчиной! Помолчи! — она сердилась.

— Все знают, что я жил у тебя... — Он скосил глаза на её грудь. — А теперь ты от меня шарахаешься. Что они подумают обо мне?

— Я не знаю, что думают мужчины о мужчинах в подобных ситуациях.

— Не знаешь мужчин?! — Марк ощупывал взглядом талию Анастасии.

— Много минорного. Оставим этот тон, — нервно улыбнулась Анастасия. — Лучше расскажи какой-нибудь сюжетец из твоих донжуановских подвигов.

— У тебя и в твоих сочинениях то же! — он схватил книгу, раскрыл. — Вот! Другой мужчина, а реакция та же. Давай будем вместе писать, — с театральной улыбкой ловеласа. — Подумай. Ведь прошлый раз ты просила.

Когда Марк вернулся домой, жены ещё не было. Он поднялся в комнату Марины, сел в кресло у окна и стал молча на неё смотреть.

— Почему ты живёшь с моей мамой? — Марина первой не выдержала этой игры в молчанку.

— Я никогда с ней не разведусь, — ответил он ей как взрослой. — Я нужен ей и тебе.

— Ты сейчас был у журналистки? А я твоей писательнице всё расскажу, пусть роман напишет про всех.

— Ты хочешь славы?.. Тогда пиши сама. Зачем же делиться славой с другими?

— Я уеду.
 — Что опять с тобой, Мариночка?
 — Ничего.
 — Знаешь, как целуются тигры? — он притянул её.
 — Уходи! Уезжай!
 — Никогда не уеду! Всю жизнь буду с тобой!
 — Ты что, меня убить хочешь?! — у девочки начиналась истерика.
 — Насмотрелась страшилок! Иди ко мне. Не отталкивай меня.
 — Ты! — закричала Марина. — Ты!..
 — Ты была со мной другая. Что произошло?
 — Ничего! Ничего не произошло, — Марина покраснела.
 — Я не понимаю. Объясни толком. Ты меняешься каждую минуту! — он хотел взять её за руку, но она дернулась, метнулась, как зверёк. — Ты не хочешь, чтобы кто-либо знал о том, что было между нами? Ты боишься, что узнают?
 — Между нами ничего не было! — крикнула девочка.
 Бабушкина Кукла протиснулась в щель двери, вильнула хвостом и кинулась к девочке.
 — Хорошо. — Он пристально глядел в её глаза. — Никто никогда ничего не узнает.
 Она отвернулась и молчала.
 — Пойдем погуляем, — он осторожно прикоснулся к ее плечу. — Подышим кислородом, ты мало бываешь на воздухе.
 Она взглянула на него и сразу отвернулась.
 — Я всё-таки не понимаю, что я сделал не так? Я же всегда стараюсь тебе только угодить.
 — Отойди! От тебя детским кремом пахнет... — и выбежала на улицу. Собака побежала за ней.
 Немного успокоилась, достала из кармана телефон. Страшно захотелось с кем-то поговорить. Но с кем? Кто поймёт? Может, правда, в газету позвонить Анастасии?

XV

Анастасия подняла трубку, удивилась детскому голосу, послушала минуты три, извинилась перед Мариной и попросила перезвонить ей через час. Журналистка спешила в офис.

Только вошла в кабинет, сразу посыпались вопросы редактора.

— Что с интервью? — требовал материал Валерий Алексеевич. — Когда у тебя будут ясные мысли?
 — Никто не знает суть этой княжны Таракановой! Она хочет через русские унитазы и французские писсуары овладеть миром?
 — Ты хочешь заняться её исправлением? — усмехнулся редактор. — Меня не её амбиции интересуют, а твой текст.
 — Но я живой человек, я не могу на все это не реагировать! Что она делает с людьми!
 — Только то, что они ей позволяют, — спокойно ответил он.
 — Валерий Алексеевич, вы же знаете, я... — пыталась оправдываться Анастасия.
 — Печорин в юбке, — заключил он.
 — Кто-то познаёт мир и не успевает его исправить, а кто-то исправляет, не успев познать, — произнесла она с вескими паузами.
 — Слишком коротка наша жизнь, — грустно сказал Валерий Алексеевич и закашлял.
 — Не так уж коротка, — Анастасия беспечно улыбнулась.
 — Знаешь, почему люди объединились против Бога? — шеф снова кашлянул.
 — На эту тему я материал не делала и интервью пока не брала. Валерий Алексеевич, ну что за настроения? — Анастасия пыталась развеселить шефа, попутно копаясь в сумочке.
 — Мы в плену у Бога. Мы приговорены Богом к смерти, — он говорил серьёзно. — Только Боги свободны. А наше стремление к свободе — это глупость, насмешка.
 — А как же Спаситель, который спасёт человечество? Валерий Алексеевич? — Анастасия держала в руке расчёску.
 — А ты пришла в мир, чтобы свидетельствовать о Спасителе?
 Анастасия молчала минуту, две, потом спросила:
 — А кто же спасёт мир?
 — А зачем его спасать? Новая интерпретация Старого Завета или старая интерпретация Нового Завета, — наконец улыбнулся он.
 — Когда нужен материал? — провела расчёской по волосам.
 — Через час, — сказал редактор. — У тебя есть ещё время.
 — Один час?! — Анастасия ошарашенно уста-

вилась на шефа. — Вы зажимаете меня временем! Я так не могу! Один час — это какой-то куб... короб, ящик... Тикающий ящик.

— Напиши хорошую статью и выйди из короба через потолок... Быстрее дашь текст — быстрее выйдешь. Да... Творческий труд освобождает человека...

Анастасия подумала: «Действительно, кто из нас не оценивает прошлое по опыту прожитых лет? Если нам было хорошо — то это светлое прошлое. И будущее кажется светлым от света в прошлом, главное, чтобы там было больше любви и надежды. А может быть, Гарик прав: лучше никакого опыта, чем отрицательный».

XVI

Гарик все чаще стал заходить к историку Петру Никитичу. Ему нравилось в историке его непреклонное желание восстановить разрушенное прошлое. Нельзя жить с осквернённой памятью. Соединить несоединимое — прошлое и будущее — возможно только в настоящем.

После более чем десятилетнего отсутствия Гарик поскорее хотелось окунуться в жизнь России. Он считал, что сейчас время для России идёт слишком медленно и без настоящего больших событий.

— ...Юбилейный архиерейский Собор — это тот верстовой столб, который указывает дорогу Руси... — монотонно говорил историк.

Гарик молчал.

— ...В страданиях, перенесённых царской семьёй в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге был явлен побеждающий зло свет Христовой веры...

— Я вас не понимаю, — наконец возразил Гарик. — Христа распяли, царя убили. Зло явно победило. Победило в безобразнейшей, ужаснейшей своей форме. А вы говорите, что зло побеждено светом.

Петр Никитич открыл какую-то книгу:

— Вот из акта канонизации. Слушай: «В последнем российском монархе и членах его семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия».

— Сейчас время такое — нарушение заповедей Божьих уже не только не считается грехом, но и оправдывается многими как нечто законное, — Гарик начал нервничать. — Царь наш расстрелян-то не в Москве, не в Петербурге, в Тмутаракани! Какой-то небольшой кучкой карателей!

— На Урале, — поправил историк. — И не кучкой, а по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.

— Все политические перевороты, революции от имени народа делаются: и в семнадцатом, и в девяносто первом.

— «Мы должны осудить это дело. Иначе... Иначе кровь расстрелянного падет на нас!» — так говорил патриарх семнадцатого июля, — процитировал Петр Никитич и закрыл книгу.

— Царь ничего не предпринимал для улучшения своего положения! — снова возразил Гарик.

— Он, может быть, и не предпринимал... Но его хотели похитить! А это опять всплеск войны! Опять тысячи убиенных... Самая страшная война — гражданская... Когда брат на брата идёт... Каждый год семнадцатого июля совершается крестный ход.

— Святые страстотерпцы... О русские! — схватился за голову Гарик.

— А вы какого народа человек? Ньюйоркер? — перебил Пётр Никитич. — Ты приехал жениться? И когда же это историческое событие произойдёт?

Гарик ушел неудовлетворенный. Все теперь было в России не так, как он себе представлял. Все изменилось так, как никто, живущий там, за границей, представить себе не мог. И теперь, приехав на Родину, о которой не просто мечтал, а болел и грезил, он понял, что он там чужой.

Гарик чувствовал, что он относится к вопросам религии как-то совсем иначе, чем те, кто никуда не уезжал. Одна старушка как-то сказала ему, что гнездо в гнезде птица не вьёт. Уж лучше искать новое место, чем истреблять друг друга.

XVII

Гарик познакомился с Галиной в электричке. И увлёкся (в неё все её поклонники влюблялись сразу и оттого становились безумными). Она была учительницей музыки. Играла на пианино на районных концертах, немного сочиняла, но талантом своим распоряжалась легкомысленно. После смерти матери ей пришлось жить с отцом, который когда-то был опорой семьи, работал машинистом, а потом круто запил. Гарика знакомить с таким отцом она не могла. Желая испытать чувства Гарика, Галина сказала ему, что выйдет замуж, только повенчавшись. Чтобы проверить любовь к Родине, надо уехать, чтобы проверить любовь к женщине, надо жениться. И Гарик после многих бессонных ночей решился. И вот Галина и Гарик поднимаются по ступеням и входят в церковь. В церкви — свечи. Сверху из узорчатых, лучезарных окон янтарными снопами свет падает к ногам. Пахнет ладаном. Гарик остановился под куполом и торопливым взглядом окинул храм. Галя с ним рядом. Вот беседуют три священника. Гарик направляется к ним:

— Мы хотим обвенчаться, — обратился Гарик.

— Вы зарегистрированы? — спросил один из служителей церкви.

— Нет.

— Сначала нужно зарегистрироваться.

— Если люди любят друг друга, то церковь обязана эту любовь благословить, не важно, есть штамп или нет, — пытался урезонить священника Гарик.

— Зарегистрируйтесь, потом придёте с паспортами, — невозмутимо ответил тот.

— Любовь бывает трёх видов, как говорил Аристотель... — пытался напирать Гарик.

Все священники повернулись и с любопытством уставились на него.

Галя стало неловко, и она направилась к выходу. Гарик догнал её.

На следующей неделе Галина настояла, чтобы пойти в загс. Тут их ждала очередь. Пришлось сидеть больше часа. Наконец они входят. Гарик начинает говорить о любви, но у него просят документы. Он показывает грин-кард.

— Приведите в порядок ваши документы, а потом приходите, — возвращает их работница.

— Вы нарушаете международные законы! — возмущается Гарик.

— Вы в России.

— Но вы не имеете права мне отказывать в браке!

— А где русский паспорт?

— Пожалуйста!

— Паспорт надо заменить.

— Мне не нужен новый паспорт! — он начинает нервничать, и — с пафосом: — Я гражданин США!

Беседа заканчивается просьбой выйти из кабинета.

Они заходят в кафе. Гарик нервничает и дёргает Галину:

— Не сиди как...

— Как кто?

— Как жена! Не смотри на них! Не улыбайся!

— Почему? Они смешные.

— Не смейся.

— Ты мне надоел! Всё! Хватит! Пока! — встала и пошла.

Он выбежал за ней:

— Они не имели права нас не зарегистрировать!

— Не ходи за мной! — она взглянула на него с ненавистью.

— Ты куда?!

— В театр! Лучше за актёра выйду замуж, чем за ньюйоркера...

И ушла, только он её и видел.

XVIII

В фойе Дома актёра зеркала блестят, включено всё освещение, стоит праздничный гул. Вот публика переместилась в зал. На сцене рассаживаются главные действующие лица. Алла Тараканова — в центре, по правую руку от неё — генерал столичный, по левую — областной депутат. Алла смотрит в зал, многих она знает лично. В первом ряду громко разговаривают, слышен женский голос — это Анастасия. Алла предложила ей написать книгу «Бриллиантовый фонд женщин».

Официальная часть конференции началась. Алла Павловна свой текст говорила по листку, чтобы журналистам не к чему было придираться. Импровизировал только столичный генерал.

— Бизнес — это не слишком трудное занятие для женщины? — подошла Анастасия к виновнице торжества. — Что вы об этом думаете, Алла Павловна?

— Женщина может добиться успеха в бизнесе! — отвечала Алла с непринуждённой улыбкой. — Я занимаюсь инвестиционными проектами. Я член Международного союза промышленников и предпринимателей, — на ней темно-синий жакет на молнии, а белый воротничок с удлинёнными уголками придавал строгость.

— Вы лидер общественного женского движения... Больших усилий это стоит?

— Да! Я потратила на эту конференцию двадцать тысяч долларов, — в голосе Аллы гордость.

— Бешеные деньги! — поразилась Анастасия.

— Не свои, конечно, — молния жакета слегка расстегнулась.

— Не надо бояться делать ошибки, дорогие женщины! — задорно подошёл депутат Руков, морщина невысокий лоб.

— Вы организовали женское движение в вашем районе? — Анастасия продолжала интервью. В начале разговора она обычно задавала вопрос-другой, на которые сама знала ответы. Как бы проверяла, насколько правдива Алла Тараканова.

— Бюрократы должны организовать женщин?! — вмешался Руков возмущённо, он смотрел на журналистку из-под нахмуренных бровей. — А они потом скажут: «У нас «движение» есть!»

Алла Тараканова поспешила отойти.

— Это раньше власть помогала! А сейчас власть частная. Делайте, ребята, что хотите. Разбирайтесь сами.

Анастасия молчала, изображая ожидание, глядя в его маленькие, глубоко посаженные глаза на круглом лице.

В фойе в перерыве столы уже накрыты: вода, вино, фрукты и дорогие закуски.

Подошли женщины. Раздалось:

— Скажите, господа, а что вы думаете о детских пособиях?.. Почему их не выплачивали?..

— А как вырастить ребенка на такое мизерное пособие?.. Чем кормить детей?!

Руков ещё больше наморщил обезьяний лоб.

— Вас не кормят, потому что вы поддерживаете эту власть! — в советское время Руков был в номенклатурном списке.

Приблизился цветущий Тигран Зайцев:

— Не доводите холопов и лакеев до бешенства. Бешеная собака сперва хозяина кусает.

— А что же вы?! Одной рукой за «это», за дермократию, а потом этой же рукой требуете того, из-за чего у вас хлеба нет?! — завёлся депутат Руков, короткая стрижка встала ёжиком над маленькими ушами.

— Я не демократ и не коммунист, — довольно улыбался Тигран. — Я массажист. Любую свадьбу можно назвать счастливой... Единственная проблема — после свадебной церемонии приходится жить вместе.

Руков громко рассмеялся, справа открылась широкая щербинка между зубами. Он был не толстый, не тонкий, такой, как Чичиков.

— А проходимцы, которые крутятся около власти, кричат: «Судить, судить!» — забегал глазами депутат Руков. — Пусть судят! Лишь бы с должности не сняли.

Гул в фойе усилился, вынесли шампанское.

— Идея социализма себя не изжила! — убеждал депутат. — Надо вернуться к старой идее на новом уровне!

Анастасия смотрела на это чичиковское лицо и удивлялась, как все в истории повторяется.

— Буржуазное общество — это такое общество, где человек к человеку относится как к вещи. А есть общество, где коллективный принцип на первом месте! Там открытость! — агитировал депутат. — Вот как в старых фильмах...

Подошла женщина с высокой причёской и в скромной белой блузке:

— У меня дочка хочет поступить учиться, а сейчас, знаете, всё за деньги... Богатые — им то как-то вдруг стало неизвестно, что есть бедные. Помогите, пожалуйста.

— Запишитесь на приём, придёте по времени, я вас приму, — торопливо прервал её Руков. — Не здесь же я с вами буду говорить!

Анастасия убрала в сумочку диктофон. В понедельник ей тоже идти на приём к Рукову.

Конференция завершалась спектаклем. На сцене играли теперь не участники конференции, а профессиональные артисты. Анастасия сидела в последнем ряду у выхода. Рядом на крайнее место села та самая женщина с высокой причёской.

— Да мы с ней, с Алкой, из одной деревни, картохи вместе рыли! — возмутилась она, повернувшись к Анастасии. — А мы просили для многодетных — нам не дали... Ни копейки!

— Вы? — поддержала разговор Анастасия.

— У меня четверо детей: трое несовершеннолетних. Учительница, а зарплата такая, что на питание не хватает, — всплеснула руками. — Мужа сократили, предприятие ликвидировали. Тараканова обещала нам помочь и вот, видите, что сделала... Двадцать путёвок в Турцию подарила. Фуршет такой! А мы просили детям на майки и на носки...

Вдруг в затемнённый зал вошла Алла Павловна Тараканова. Остановилась, словно искала кого-то. Учительница с высокой причёской поманила ее ладошкой. Алла подошла, наклонилась к ней.

— Помнишь, ты была продавщицей у нас в деревне?

Алла молчит.

— Помнишь, тебя чуть не посадили?

Алла наклонилась, пытаясь в полумраке рассмотреть, кто это говорит.

— А... Это ты? — наконец узнала Алла.

— Учительница! Ты Алка из сельмага была, ты ею и осталась! — бросила с обидой злые слова.

Алла выпрямляется. И молчит. Молчит!

— И никакой ты не президент международной компании! И никто тебя в депутаты не берет! Зря стараешься!

Алла метнулась вдоль кресел налево-направо и, споткнувшись, остановилась и крикнула:

— Я не знала, что ты... Продажная!

— Я не кородейка из Нижней Катуховки! И сельповской крысой, как ты, не была! — с насмешкой и вызовом огрызнулась учительница.

Журналистка повернула голову — такой диалог пропустить грех. Надо запомнить, запи-

сать в темноте. Упустишь одно слово — вся фраза развалится.

В дверях смеётся старый актер. А спектакль продолжается. Артисты играют свою пьесу, зрители — свою. В зале темно и почти пусто, но за спектакль заплачено из фонда.

Анастасия уходит — нужно сдать текст редактору вовремя.

XIX

Воскресенье. С утра Анастасия разложила на столе, на кровати листы из своего романа, работала весь день. Разницы между понедельником и воскресеньем для неё почти не было: та же спешка, те же встречи, та же работа с людьми. Одновременно приходится работать над несколькими материалами для газеты. А по ночам она писала роман. В нём она могла выразить то, что невозможно сказать в статье или очерке. Статья — это фотографический снимок, а рассказ — это уже голография (этот термин как-то употребил редактор). Он говорил ей: «Голографический реализм — это когда рисуется не сам персонаж, а эмоциональная картина отражённого им чувства. Цель газеты не художественность, а достоверность; не отражённое чувство, а реальность. Наша главная задача — успевать за фактом и за временем. А все художественное опережает время и создает картину вечного времени. В газете не нужен «нас возвышающий обман»? Занимайся тем, на что есть спрос. Спрос на газеты — будь газетчиком».

В понедельник Анастасия взяла с собой паспорт и билет члена Союза журналистов, чтобы войти в городскую думу. Народные избранники отгородились от народа крепкими охранниками.

Кабинет для приёма посетителей — трамвайчиком: двери и спереди, и сзади.

— Поприсутствуйте, пожалуйста, при разговоре, — попросил Руков секретаршу, когда Анастасия уже вошла.

Секретарша, не проронив ни слова, устроилась в торце стола.

Анастасия села справа от Рукова. Поглядела на бело-серый воротничок депутата и на безучастное спокойствие секретарши.

— Мы будем разговаривать при включённом диктофоне! — заявил Руков, как следователь на допросе. И между ними оказался миниатюрный аппарат.

Анастасия тоже достала свой диктофон и поставила рядом. И какое-то странное напряжение возникло в ней:

— Не возражаете против моего? — всё-таки спросила она.

— Как вам вчера артисты? — вместо ответа спросил депутат, его голос потеплел.

— На сцене или в зале?

Между ними — стол буквой «Г», молчаливая свидетельница-секретарша и фикус из старого советского времени.

Анастасия перевела разговор к делу:

— Я пришла по делу многодетных матерей. У меня письмо от одной семьи...

— Продолжайте! Проблема многодетных. Так!

— У них нет денег оплатить жильё, им прислали предупреждение, что отключат газ, свет, воду.

— Я им должен дать денег? Вы где живёте?! Мы строим капитализм! — Руков говорил с такой же горячностью, с какой десять лет назад говорил о коммунизме. — Вам никто ничего не должен! А знаете, что в Китае разрешается родить только одного ребенка!

— Не думала, что разговор будет с двумя диктофонами, — голос у Анастасии дрожит.

— Разве я грубо разговариваю? — осведомился Руков у секретарши.

Свидетельница-секретарша не проронила ни слова. Её босс увлёкся рассуждением о народе, приподнялся и чуть ли не лёг на стол, накрывая бортом пиджака диктофон.

Анастасия рассчитывала на понимание, участие к тем многодетным матерям, которые не справляются с быстро дорожающей жизнью. Правда жизни и игра в жизнь всё больше сближаются в аппаратах чиновников.

— Зачем вы пришли во власть? — Анастасия посмотрела в его глаза: — Власть заботится только о том, чтобы остаться у власти, не так ли?

С шестнадцати лет Анастасия вела самостоятельную жизнь. А этот человек-чиновник и сегодня оказался несостоятельным делать жизнь, он лишь винтик, лишь исполнитель чужой воли.

— Езжайте за кордон, если вам тут плохо! —

Руков с вызовом уставился на неё. — В эмиграцию уезжают, потом возвращаются, как Солженицын, Собчак. Сейчас из нас не вырабатывают тех или других поборников и пропагандистов. Свобода! Растите, как крапива у забора. Мы не имеем надобности лицемерить ради каких-либо общественных основ.

— Но только ради того, чтобы жить красиво? — сохраняя спокойствие, Анастасия аккуратно поправила свой диктофон.

— Вы оскорбляете!

— Извините! Я пришла говорить о деле, а не дискутировать.

— Сорок лет народ водили, чтобы из них сделать людей, а вы, товарищи интеллигенты, хотите все сразу!

Разговор на диктофоне полуторачасовой — хоть роман пиши. Анастасия вернулась в редакцию.

Следующее задание Валерия Алексеевича — визит в международный центр к Алле Таракановой — лидеру общественного движения.

Анастасия ехала на маршрутке. Вот и цирк, возведённый на кладбище... Справа перед цирком — могилы поэтов Алексея Кольцова и Ивана Никитина — остатки от городского кладбища. Остальные могилы срыты, кости перемешаны в котловане стройки. Так возник на старом кладбище новый фундамент. На новом фундаменте возвели цирк. Валерий Алексеевич рассказывал, как отстояли писатели-ветераны могилы Кольцова и Никитина. Это было ещё при коммунистах. Люфанов, Троепольский, Сидельников встали плечом к плечу и стояли весь день перед рыкающим и наезжающим на них бульдозером. Отстояли память и славу народную, как в сорок третьем отстояли город. Анастасия мечтала написать об этом, но старичков уже не было в живых.

Анастасия зашла в торговый центр, поднялась на второй этаж. Нужно пройти через весь магазин-салон, чтобы попасть к Алле Павловне Таракановой. Какая сантехника, просто сон-техника! Один комплект для ванной идет по цене двухкомнатной квартиры, а унитаз дороже компьютера.

Комната секретарши — евродизайн. В кабинет самой хозяйки этой международной сон-

техники можно пройти только через двух секретарш.

— Здравствуйте, матушка Светлана! — узнала Анастасия жену священника, скромно сидящую у стены. — Вы тоже к Алле Павловне Таракановой?

— Пришли просить материальную помощь, а говорят, Аллы Павловны нет. У нас столько сирот в городе. Им бы хоть варежки и носочки купить. Мы десять лет уже существуем, всех знаем: кто сирота, кто брошенный...

Матушка Светлана в чёрном платке, в длинной юбке, богопристойная.

— Я ведь не за себя прошу, а за людей, — волнуется она, когда говорит. — Вот со мной наш адвокат Людмила.

— Не выполняются законы по социальной поддержке материнства и детства! Я адвокат, — представилась она, ей было лет пятьдесят. — Не выплачиваются социальные льготы! Дети голодают, а законы не исполняются! У нас для вас такой материал есть! — Людмила оживилась еще больше. — Вот возьмите пока этот документ, ознакомьтесь. У меня своих четверо детей!

— Как вы успеваете и со своими детьми, и с работой? А если они болеют? — Анастасия взяла в руки стопку бумаг.

— Ой! Что вы! — адвокат махнула рукой. — Здоровье детей мне дороже работы! Изучите этот материал, потом я для вас ещё подберу...

— Я согласна со своим редактором. Мне было очень приятно с вами познакомиться. У меня нет времени ждать Тараканову, — ответила Анастасия и вышла.

За ней следом выскочила секретарша.

— Директор здесь, вы подождите, — зашептала она. — Посетители уйдут, и она вас пригласит.

— Извините, я долго ждать не могу, — Анастасия помрачнела и напряглась. — Срочно надо сдать статью.

Журналистка села в маршрутку и открыла бумаги, которые передала ей новая знакомая-адвокат. Начала читать, выбирая главное... «Правительство... Постановление. От четвертого декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года. Номер... Москва. Об утверждении

Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации».

Иногда бывает достаточно пролистать — и все поймёшь.

«...Обеспечить первоочередную обработку и разгрузку судов и других транспортных средств, осуществляющих доставку товаров, относящихся к гуманитарной помощи... Председатель Правительства Российской Федерации В. Путин...»

Приехала. Выскочила из маршрутки, бегом в редакцию. Шефа нет. Слова женщин о голодающих и замерзающих детях ее разволновали. Снова открыла папку от адвоката. «Порядок оказания гуманитарной помощи... Под гуманитарной помощью (содействием) понимается вид безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищённым... Гуманитарная помощь может предоставляться... юридическим и физическим лицам (получатели гуманитарной помощи)... Продажа гуманитарной помощи (полная или частичная) запрещается...»

— Анастасия, оторвись от стола! — улыбался Коля, частушечник и весельчак. — Ты посмотри, какая сегодня погода!

— Какая?

— Ты что, на улице не была?

— Кому погода, а детям холод! У них даже носков нет... Вот слушай, я прочту: «Комиссия на основании своего решения выдает удостоверение, подтверждающее принадлежность средств... к гуманитарной помощи...»

— Чьи дети? Твои? — подмигнул Коля.

— При чем тут «чьи»?! — вспыхнула Анастасия, оторвавшись от бумаг.

— У тебя опять «срочный материал»?

— Да...

— Валерий Алексеевич на тебе катается, а ты... — Коля умолк.

— А я?! Договаривай! — потребовала Анастасия.

— Я третий лишний?

— Ты не лишний, вот послушай, — она водила пальцем по строчкам: «...Срок действия удостоверения — один год... Организация-донор оплачивала перевозку... Контроль за целевым использованием гуманитарной помощи осуществляется органами...»

— Ты в этом что-нибудь понимаешь?
 — Я хочу разобраться, почему нам отовсюду все помогают, а дети голодают, — с нажимом выговорила Анастасия и опять — в бумаги: — «О фактах нецелевого использования гуманитарной помощи органы местного самоуправления информируют органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации...»

Коля пожал плечами:

— А почему ты этим должна заниматься, а не прокуратура? Твоя идея в чем?

— Я вижу, что в этих документах есть ответ, почему у нас столько нищих.

Дверь открылась, вошел главный редактор, а Коля удалился.

— Анастасия, работаешь? Успеешь с материалом в этот номер? — поинтересовался шеф.

— Валерий Алексеевич, вот мне папку передали... Гуманитарная помощь, международная, а до детей не дошла.

— Почему?

— Не знаю...

— Вот и разберись! — голос Валерия Алексеевича был твёрд.

Села разбираться.

И кто же такая Алла Павловна Тараканова на самом деле? Так и просидела Анастасия всю ночь.

XX

В дверь звонили. Алла Павловна проснулась, домработницы нет — надо открывать самой, но встать не было сил. Есть деньги, но нет времени, чтобы выспаться...

Звонок в дверь повторился. Алла вспомнила — должен прийти Тигран. Что-то в ней встрепнулось: сейчас он ей нужен. Она ото всех скрывала интимную связь с ним. Что-то неясное, смутное, но сильное заставляло её подчиняться его воле. Что Тиграну нужно от неё? Деньги у него есть... Но кто не мечтает увидеть умопомрачительную роскошь дальних стран?.. Всегда хочется большего...

— Я вся разбитая, — Алла не стеснялась жаловаться Тиграну.

— Что случилось?

— Когда свекровь умирала...

— Ты плохо спала? — он растирал ладони. — Сейчас расслабимся...

— Мне нельзя расслабляться. Расслабишься — всё рухнет. Бизнес — это же на минуту нельзя расслабиться, — почти простонала Алла. — Я ведь президент международной компании... А теперь я чувствую: всё, что я делаю, — никому не нужно. Иногда мне кажется, что и мне это тоже не нужно. И я никому не нужна.

— Мне нужна, — мягко заверил Тигран.

— Я чувствую себя старухой! У меня спина болит.

— Что за настроение, дорогая? — он осторожно обнял её.

— Я умру.

— Я этого не допущу!

Тигран всякий раз слушал своих клиентов с участливым вниманием, уж что-что, а выслушивать всякие «истории» он умеет. Алла легла на тахту, он слегка погладил ее по спине, подготавливая кожу и мышцы к массажу. Приятно запахло швейцарским можжевелевым кремом и лавандой.

— Отец свекрови был репрессирован, — вдруг начала Алла.

...У Тиграна настроение хорошее — его финансовые дела выправились благодаря участию Аллы.

— ...Представляешь, его арестовали... А свекровь решила вступать в партию! В сорок шестом году она писала Сталину. Это было для нее самое ценное, излюбленное воспоминание.

— Письма Сталину — вот ещё бестселлер ждёт нас! — вставил словечко Тигран.

— ...И свекровь писала: «Что? Что я должна сделать, чтобы доказать преданность Советской власти?!» Представляешь, с какими мыслями она жила!

Тигран Зайцев теперь начал понимать, почему жизнь свекрови вплелась и продолжилась в Алле с такой силой. Есть женские натуры, которые испытывают биологическую потребность демонстрировать свою особенную преданность. В них родилось что-то общее.

— И что ей ответили? — спросил Тигран, продолжая делать массаж.

— Из ставки Сталина пришел ответ очень быстро. Ответ был коротким: «Ваш муж умер в местах заключения. Если Вы достойны, будете

приняты в партию», — Алла вздыхает, переживает, словно не она рассказывает, а человек, переживший репрессии и войну.

— И она была активнейшим членом партии?

— Свекровь вступила в партию в сорок седьмом.

— Не больно? — ласково спросил Тигран.

— Я готова терпеть, сколько нужно. Не бойся сделать мне больно.

— Зачем же больно? — улыбнулся он. — Мы всё по методике делаем.

— «Если Вы достойны...» — Алла откинула голову и взглянула ему в глаза. — Ты это понимаешь?!

— Я понимаю, что все мы состоим из мышц, поверхностных и глубоких, от долгого сидения и лежания мышцы дряхлеют.

Как чувствует Тигран упругость женского тела! Уже его руки и её мышцы вступили в игру.

Тигран сейчас не донжуанит. Он в три года потерял мать, у него не было сестры, с которой бы он рос и наблюдал за ней. Любая женщина была для него загадкой.

— Не больно? — спросил он, плотно обхватив мышцу двумя руками и оттянув вверх до боли. Приподнял. Сдавил и сместил одной рукой от себя, а другой к себе, делая двойное кольцевое разминание.

— Для чего же Фёдор Фёдорович тебя прислал ко мне? — тихо спросила она.

XXI

Несколько недель Фёдор Фёдорович провёл на новой трехэтажной даче. У него было несколько дач, но больше других ему нравилась та, которая на берегу реки (для рыбалки). Там, в деревне, старый домик, который служил ему дачкой ещё при советской власти. Туда его возил сын. «Отвезите, гражданин милиционер», — подшучивал отец над милицейской фуражкой сына. Торчать на даче уже не было сил. Дети, дети... Иногда у него мелькала мысль, что своей жизнью он уже не живёт: все для детей, хоть роди да подай.

В воскресенье Фёдор Фёдорович успел перехватить младшего сына первым, пока тот не отправился со своей избранницей на уик-энд, как говорят американцы.

Павлик завернул на заправку, он всегда заливал полный бак, когда подвозил отца, а потом всю неделю экономил. Мальчишкой он боялся отца. Теперь изучал, наблюдал, молчал. А когда помалкиваешь, требуется большое волевое усилие, чтобы сохранить выдержку. Научившись сдерживать себя, он перестал робеть перед отцом.

— Давай свой киоск поставим, — говорит он отцу.

— Какой киоск?! Ты же в милицейской школе учишься!

— Лук убрали — хороший урожай, — Павлик говорил о матери невесты — у неё огород.

— Дурак в пилотке, — смеётся отец. — Останови! — вот они переехали через новый мост, отец властно, но любовно смотрел на сына поверх съехавших на нос очков. — Тормози! Тормози!

— Где? — Павлик взглянул мельком, что-то отец слишком волнуется, вчера вечером он говорил о какой-то даме. — Где остановить? На остановке?

— На остановке, — вертел седой головой отец, подсасывая вставные зубы.

— Здесь? «Отвези — привези», — Павлик переразнил отца, шепелявя. — У меня дело сегодня.

— Какое дело? Ты не говорил.

— А ты?! — Павел начал заводиться.

— Ладно, — миролюбиво сказал отец (приятно, когда сын — твой личный водитель). — У меня тоже сегодня встреча с адвокатом Марком Яковлевичем... Ну что же?! Ведь и жить когда-то надо...

Отцу приходится всегда быть в форме и на острое словцо сына найти два — поострее и поувесистее. Сын перерос отца на голову почти во всем.

Подъезжая к остановке рядом со светофором, Павлик сбавил скорость и остановился.

— Подожди! — отец выскочил из машины.

— Сколько ждать?

— Жди! — неожиданно грозно рявкнул отец.

Павлик подумал: «Как говорит Иоланта, у папы опять интермедия». Иоланта, жена старшего брата, удачно предсказывала новые романы Фёдора Фёдоровича.

Павлик высунулся из окна машины и с нап-

ряжением смотрел, как отец перебежал дорогу. На остановке отец подошёл к девице. Павлик напрягся. Он вынужден был созерцать, как его дряхлеющий старикан приближается к этой «тёлке». Останавливается около неё. Павлик видит роскошный бюст. Как же отец составил, ссутулился!

Отец и сын свои сердечные тайны друг от друга не скрывали. И если отец очень хотел побыть с женщиной на природе, с хорошей, милой, доброй, то сын соглашался на роль шофёра. Отец находил удовольствие быть другом своему сыну. «Надо расслабиться, отдохнуть, влюбиться», — советовала сноха Иоланта. Жена старшего сына Андрея была современна и свободна в этих вопросах. Иоланта научилась разгадывать замыслы свёкра быстрее, чем его сыновья...

Вот отец возвращается — опять на красный свет.

— Что-то ты так растолстел, — взвесил сына родительским взглядом. — Ты куришь? Дай мне!

— Ты же не куришь! — Павел протянул сигарету.

— Балуюсь...

Подошла женщина, совсем не такая, какую настраивался увидеть Павлик.

Отец учтиво и суетясь открыл дверцу и сам уселся рядом с ней на заднее сиденье.

— Куда вас? — спросил Павлик. — На пляж?

— Нет! Там шумно, — деловито ответил Фёдор Фёдорович. — И вода мутная. Знаешь куда? Там, где мы с тобой лодку обновляли.

— На плёсы?! — Павлик возмутился. — Это ж далеко!

— Недалеко, — в голосе отца появилась мягкость и теплота. — Отвезёшь и приедешь за нами в десять.

— В десять не могу.

— В восемь. Пойдет? — Фёдор Фёдорович пошёл на уступки.

Павлик оглянулся: отец держал руку женщины в своих ладонях, словно согревал в лютый мороз. «Где мой отец?» — подумал Павел. Она смотрела в боковое окно. Он был ещё сын-мальчик и почувствовал обиду за мать.

— Отец, у меня сегодня вечером дело есть.

— Ничего, приедешь! — бросил он сыну неб-

режно. — Итальянцы сказали, что таких плёсов нет даже у них. Там так хорошо!

Отец уверял женщину, что там, на плёсах, они будут царствовать над природой.

Место, куда они приехали, было затопленной поймой после возведения дамбы, но его многие звали плёсами. Это действительно было широкое водное пространство, и холмики казались островками.

Павлик вытащил из багажника машины резиновую лодку и пошёл обратно к машине.

— Я поехал, — бросил след отцу.

— А накачать? — крикнул Фёдор Фёдорович, отцу вдруг захотелось, чтобы сын остался с ними.

— Качайте сами! — сел за руль.

— Приедешь как договорились, — строго сказал отец.

Управлять сыном было ещё можно, так как Павлик не имел денег столько, сколько ему хотелось. А тратить парню приходилось много. Фёдор Фёдорович ничего не имел против невесты сына. Она из семьи новых русских, это приятно подогревало самолюбие, но торгашей в их роду не было, и поэтому отец остужал торопливость сына в вопросе женитьбы.

Солнце грустно посветило и совсем спряталось за тучу. Лес затуманился.

Старик высматривал что-то в сумке, потом стал искать в карманах:

— Ключи?

— Да вот они, — Павел показал ключи.

— Ладно, привезёшь... Уезжай! Стой! Там осталось пиво. И минералка. Посмотри!

— Вот! — Павлик подал ему через окно машины бутылки. — Всё. Я поехал.

Машина скрылась за деревьями.

Резиновая лодка бесформенно лежала на траве. Часто чередуя ноги, Анастасия оживляла её, накачивая в лодочную утробу живой воздух плёсов. Борта округлялись, оживали. За сладкой парочкой со стороны наблюдали люди, сидевшие у костра.

Фёдор Фёдорович сменил Анастасию, и теперь лодка стала быстрее принимать нужную форму.

Анастасия расслабилась. Облако, которое застыло над ней, прикрыло солнце... Облако вне людей, само по себе. Лес издали словно закрылся, призадумался.

Вместе спустили лодку на воду. «Поедем, красотка, кататься...» — доносилось от костра. Импортная лодочка с короткими пластмассовыми веслами вяло, словно во хмелю, покачивалась на воде. Попробуй встань. Поцелуй. Обойми! Ни-ни! Дно так и ходит под тобой. Серые дикие уточки выплывают из-за стеблей куги и, испугавшись, ныряют опять в зеленые кущи.

— Я хочу сети поставить. Мы тогда с Павликом тут таких наловили сазанов! Ой-ой! — Взглянул на неё — она едва прикрыта красными полосками итальянского купальника.

С берега долетала песня: «Сама же я сяду к рулю...»

— Я хочу в Турцию! — сказала Анастасия.

— Сбежишь там от меня в гарем! — разразился хриплым смехом, вспоминая о далёкой экзотике. — Когда мы привезли итальянцев, они только руками разводили. Красота! В Италии такой нет! Смотри! Это же плёсы! А сколько здесь уток! На охоту приедем с Павликом.

Анастасия не чувствовала этой природы. И, главное, она понимала, что наблюдает странное своё отчуждение. Красота не наполняет её, а обтекает, как эту лодку августовская вода. Лес у берегов почернел и застыл.

— Хочешь шашлыка? — спросил Фёдор Фёдорович.

— Но у тебя нет.

— Сейчас будет, — он повернул к берегу, прыгнул в воду, втащил лодку.

Старик решил разрядить обстановку. С людьми он сходил легко и просто. Он подошел к костру.

У тлеющего костра — две женщины.

— Я Вера, — то ли всерьез, то ли пошутила женщина.

— А я Надежда.

Компания была уже в хорошем настроении.

— Вера, Надежда... — Анастасия поддержала шутку. — А где же Любовь?

— Спите вместе, а спрашиваешь, где любовь?! — поддела одна из женщин.

Анастасия удивилась такой бесцеремонности Веры, но ей казалось лучше такое общение, чем оставаться наедине со своим настроением.

— Посмотри, у меня по спине кто-то ползет, — Фёдор Фёдорович повернулся: упитанное

тело в пятнышках светлых, как одуванчики, веснушек. — Там нет муравья?

— Муравья? — почему ей так неловко перед всеми, будто совершает что-то непристойное? Не было ни муравья, ни муравьи — да кому он нужен. — Ничего нет.

— Смахни! Сдуй! Ну, скорее!

Она провела ладонью по пятнышкам, смахнула крошки песка и опять села, опираясь сзади на руку.

— Вы кто? — спросила Надя то ли с завистью, то ли с издевкой. — Лодочка-то американская?

— Психотерапевт местной экономики, — слизывал Фёдор Фёдорович с нижней губы песчинку. — А лодочка у нас итальянская.

— Да? — Надя хихикнула. — А хобби?

— Организация ток-шоу «Угадай мелодию» применительно к политике.

— А у вас цвет глаз стальной или синий?

— В зависимости от обстоятельств, — совсем разошёлся он. — Тебе сказать, какими иностранными языками я владею?

— Ой! — девица хлопала в ладоши. — Скажите!

— Жестикуляцией, эсперанто. При необходимости заговорю на любом.

Появился мужик у костра, как видно, главный в этой компании. Он был сдержан и как бы безучастен.

— Валера, я хочу рыбу, — Надя была горда и весела оттого, что ей сейчас служил сильный человек, которого многие боятся.

Мужик наклонился (прокопчённая под солнцем спина в наколках), вынул рыбу из золы. Запечённая рыба дымилась. Валерий аккуратно ее очистил и на тёмной ладони подал Анастасии слипшуюся икру:

— Попробуй.

Анастасия чувствовала, что в этой компании отказываться нельзя. Икринки побурели, как запеченная на огне кровь.

— Что такое свобода? — приподнял голову из-за куста пьяный. — Это когда тебя посылают «на», а ты идёшь куда хочешь. Эта горбуша три океана прошла.

Анастасия удивлялась, откуда появлялись эти мужики, вроде у костра были только женщины.

— Ешь! — сказала Вера и положила на траву перед тем мужиком обуглившуюся рыбу. — Но прежде нужно выпить!

— Ха-ха! — заразительно засмеялась Надя. — А «ножки Буша»?! Они полдня не размораживаются. Хлорамином нафаршированы.

Анастасии показалось вдруг, что она где-то на сцене, а кто-то сидит в зале и за ней наблюдает.

Вера раскладывала жареные «ножки Буша» на замасленную газету:

— Я жена вора в законе, — сказала она.

На шампурах сочится жир. Золотистая корочка пахуче дымится.

Анастасия с неподдельным удивлением смотрела на них. Как глупо...

— Ты так сидишь... Рукой не шевельнула! — Вера сразу почувствовала настроение гостьи у костра. — Пей! Не сиди так!

Но от этих окриков Анастасия чувствовала ещё большее напряжение.

Только Надя смеялась. Она шалила и нежилась на синем одеяле.

— Играет, — старик с завистливой улыбкой наблюдал за её весельем, ему тоже хотелось такого естественного полулюбовного озорства. — Я же говорю, у меня там какой-то муравей по спине ползёт!

— Никто у вас там не ползёт, — Анастасия не стала поглаживать его спину.

Одеяло, как скатерть-самобранка: и еда, и питьё.

В костре — угольки. Анастасии хотелось уйти в тёмный лес, но она была как будто связана с этими людьми, с желтобокой лодкой, с костром. Чем? Воздухом. Звуком. Светом солнца, спрятавшегося за облачко.

— Чего ты хочешь? — Фёдор Фёдорович грел руки над дымящимися шашлыками.

— Хочу в Италию! — Анастасия обошла костер.

— Поедем через месяц, — ему били в глаза две красные полоски купальника. Потянулся к молодой женщине и почувствовал в руках дрожь. — Ты понимаешь, мне сейчас нельзя! Дела тут. Ягода осыпается. Ты видела... На даче. Капусту сейчас хорошо поливать надо.

Анастасия посмотрела на одеяло-самобранку. Веселится и ликует там народ.

— Я хотел, чтобы тебе было хорошо. Тебе не нравится?

— Пошли к ним, — сухо сказала Анастасия.

— Пошли. Я создал обстановку? Тебе хорошо?

— Я нашла! — радостно вскрикнула Надя, пряча под собой что-то. — Моё, моё!

Анастасия села рядом с Надей.

— Что это? — Фёдор Фёдорович протянул руку.

Она передала ему свою находку. В его руках лежала небольшая иконка.

— Где нашла? — старик принял предложенный стакан водки и незаметно вылил за спиной муравьям.

— Тут, — потешно смеялась, по-детски задирая руки и ноги. — Вот здесь.

— Раскольничья. — Фёдор Фёдорович взял иконку. — Старое литьё.

— Отдайте! — капризничала Надя, как младенец взмахивая руками.

— Ах ты, хитрая, — он удерживал её руку, а Надя, упиравшись в его колено, тянулась за поднятой рукой, и старик повалился на спину. — Ты кто?

— Нет, отдайте! Я нашла. Я её продам и поеду в Париж!

— А в Биробиджан не хочешь? — хохотал старик.

— Хочу в Париж! Хочу в Париж! — повторяла Надя.

— Сколько тебе дать денег за неё?

— Деньги — фигня!

— Видит волк козу — забыл и грозу, — Вера говорила и смеялась очень громко. — Мой муж...

— Вора в законе иметь семью нельзя, — метнул взгляд старик.

— Я с ним не живу двадцать лет. Торговал фирменными шмотками, штанами джинсовыми, когда первый раз дали срок. Нищий хвалится, а богатый прячется. Ты знаешь, сколько дали? — она стукнула по волосатой руке старика. — Восемь лет.

— У вора в законе нет жены, — старик с хитровой всезнающей усмешкой наблюдал за ней. — Вор в законе не торгует. Не пашет, не сеет. Вор в законе — это чистый вор, это дух, это символ.

С удивлением смотрела Анастасия на своего покровителя, кто он сам-то? Откуда у преподавателя института миллионы? Сказка о золотой рыбке или о золотом петушке?

— Ты что так смеёшься? — старик тронул за ногу молодую девицу. — Ишь ты, какая хохотунья!

— Она на пятом месяце! — с пьяным вызовом крикнула Вера, словно грозя кому-то.

Смех оборвался.

Беременная сморщилась, лицо ее исказилось, вытянулось, позеленело. Встала. Пошла к камышам. Хватая ртом воздух.

— Не умрёт, — Вера поясняя гостям — свои-то все знали. — Мальчик будет.

Там, где сидела Надя, осталась лежать металлическая иконка.

Анастасия взяла иконку. И в этой гнетущей, нерадостной тишине показалось, что лики святых вдруг засветились, ожили.

— Вот тут надо смотреть! — Волосатый палец старика с прилипшей чешуей скользнул по святыню лику.

— Руками не трогать! — дернулась Анастасия от него, как от раскалённого шампура.

Вера ликующе, победно прыснула, в её пьяном смехе была отчаянная радость.

Валера повёл плечами:

— Иногда бросаешь спасательный круг.

— Мужчина должен кого-то любить... — чуть отрешённо проронил Фёдор Фёдорович.

— Кто в доме хозяин?! — докатилось из-под куста. — Я или мыши?! Отвечать по уставу!

Все невольно посмотрели на пьяного.

Анастасия подошла к воде. Стояла, пристально вглядываясь. Привыкая к её ногам, всё ближе и ближе подплывали мальки. Погрузиться бы в воду, в другой мир, и стать маленькой и бессловесной, как эти пугливые безобидные бессловесные рыбки.

XXII

После незабываемых дней, которые Фёдор Фёдорович провёл в Париже, в Италии и Израиле, его стало тянуть в сладкие розово-голубые дали. В такие часы он представлял себя гуляющим с братом по Бродвею. Под ярким лучом памяти всё оживало. Если бы эта свобода пришла раньше... Когда он стал богатым, к сожалению, он уже, как говорится, был в преклонных летах. И всё вспоминал мерцающие огни Тель-Авива. Он старался находить прелесть в родных местах. Тонкое золото березовых листьев еле слышно шелестит. Фёдор Фёдорович

лежал на спине и следил, как легко уплывают облака куда-то на юг, может, в Италию.

— Дама! — крикнула Вера, вглядываясь, как далеко заплывла Анастасия. — Дама, далеко не надо! Не надо далеко!

Фёдор Фёдорович пил тёмное пиво. Было немного грустно оттого, что сын уехал. Осень слишком быстро сменяет лето. Ползают муравьи... А скоро их засыплет снегом. Он ощущал приятное шевеление муравьёв, не поднимаясь, лишь отбросив руку вбок, потянулся за пивом. Пиво не холодное, а он привык, когда оно только что из холодильника.

— Тонут! Тонут! — взметнулась Вера. — Мужики! Что лежите?!

Фёдор Фёдорович рванулся к берегу. Голова Анастасии то исчезала под водой, то выныривала, будто серая дикая уточка. Вот она исчезла. Он замер.

— Лодку! — крикнула Вера, пьяно хватаясь за режущую руки кугу. — Чего спите?!

Стукнул зубами в лихорадочном оскале. Кинулся в воду. Нырнул и поплыл. Нет! Он не старик!

— Куда?! — вспенивая воду у берега, металась Вера. — Назад!

Старик уже плыл обратно к берегу. Выскок из воды. Схватил лодку. Он еще не успел свыкнуться с короткими вёслами. Выгребал, упираясь на вёсла. Но лодка была как пьяная, взбалмошная, вихляющаяся девка — никак не слушалась и не подчинялась его дрожащим рукам.

Втащил мертвенно-бледное тело на шаткое дно лодки. В глаза ударила красная полоска бюстгальтера, болтающаяся на бедрах. Сорвал и выбросил его, как грязный бинт. Груды посинели, у бугристого соска — ссадина и тоненькая струйка крови.

Он расправлял спину, вскидывал голову вбок, проверяя направление. Голова его нелепо запрокидывалась, ухо подгибалось, прижатое плечом. Ветер метался. Лодка вихлялась. Грести было страшно тяжело. Водоросли, как змеи, обвивались и не выпускали на чистую воду.

Валера перенес Анастасию на берег, положил на синее одеяло.

Фёдор Фёдорович добрёл до костра, лёг навзничь, словно упал, рухнул.

— Пей, старик, — Валера положил ему руку на плечо и поднёс стакан водки прямо к губам. — Видно, у бабы тоже душа есть.

Сердце старика останавливалось. Он дышал ртом, губы сохли. Руку сводило. Боль... Ветер... Без лодки бы не спас её. Не спас...

Гасло сознание, всё терялось в какой-то мутной темноте. Он уже ничего не видит, только слышит, как выкачивают из неё воду и как, наконец, она застонала.

Наконец он увидел, что Анастасия сидит у костра, укутанная в синее одеяло. А «жена вора» истязает её бранью.

Фёдор Фёдорович подозревал в этом заплыве не случайность. На него никто не обращал внимания — кому сдался старик. В траве лежать хорошо, словно ты часть этих травинок и букашек, ты муравей старый, уставший, ты с ними заодно в их молчаливом, тёмном существовании.

Он услышал свою мысль в каком-то смешном виде.

— На хрен он тебе сдался! — говорила «жена вора», она знала жизнь с изнанки. — Все мужики — альфонсы! Или кобели...

Душа женщины мечется, ищет и не находит. Что там, за пределами видимого, за ширмой, отделяющей подлость от благородства, достоинство от гордыни? И что-то страшное, разрушительное происходит, если она отбрасывает этот занавес.

Пьяный протрезвел от холодной воды, вытаскивая жёлтую лодку. Над ним подшучивали:

— Бывает ли плохая водка?

— Нет. Водка хорошая...

— А бывает ли плохая женщина?

— Нет. Бывает мало водки.

— Нет, ты погоди! Вот встретились русская и француженка, — начала «жена вора».

— А я это знаю, — засмеялась беременная Надя.

— Как вы пополнели! — «жена вора» ласково, не стесняясь, погладила свою подружку по животу.

Анастасия плакала.

«Напоили? Надо уходить», — подумал старик.

Но Вера услышала плач Анастасии, потом посмотрела на него.

«Все так начинают, — но старик не хотел,

чтобы его мысли слышали все. — Я не хотел её топить. Я ей говорил: «Поедем на плёсы». А она: «Хочу в Италию».

Вера принесла стакан, из которого он выливал водку в траву травить муравьев. Теперь он выпил всё сам. По вкусу это была вода. Но такая женщина не будет смеяться, он должен сейчас расслабиться, она понимает. Она принесла вторую порцию и опять смотрела на него и видела, что он пьёт водку как воду.

— С какого ты года?

— А что? — Он попытался подняться, но повалился, словно от усталости, нет, он не упал, он прилёт. Прилёт и посмотрел на нее снизу вверх медленно, с пьяным пониманием. Сколько же мук претерпел он из-за этих ножек! — Я старик.

— Ноги у тебя спотыкаются о каждую травинку. Сиди! — и сама расположилась на обгоревшем брёвнышке. — Муж у меня был с тридцать девятого. А ты?

— Я старше.

Вера отошла от него, она оставила его в покое, вернулась на примятую траву и выпила.

— У меня умер отец, — билась Анастасия в рыданиях, словно только что узнала о горе. — У нас не было денег на гроб...

— Ладно! Всё! — рыкнул старик. — Я сказал! Дам!

— Завтра будет сорок дней.

— Я схоронила и отца, и мужа, — гладила её по голове Вера. — Я понимаю. Я всё понимаю, девочка. Эх! Жизнь-то уходит!

— Я не думала, что он... — Анастасия всхлинула.

— Когда мой отец был жив, я не звала его отцом. Гордая была. За мать было обидно. Он от нас ушел, когда я еще пацанкой была. — Вера замолчала. — Умереть — не в помирушки играть. Дед рассказывал, у них урядник был, он и при царе был, и при коммунистах. У него детей одиннадцать душ. Он никому зла не делал. А в революцию семью помещика в деревне, в которой родился отец, прятали сами крестьяне. А про войну рассказывал — там чем сильнее бой, говорит, тем шибче душа горит.

— У твоего отца ощущение, как у полковника, — нашёл силы усмехнуться Фёдор Фёдорович. — Боец!

XXIII

После случившегося Фёдор Фёдорович сам не ожидал, что чувство к Анастасии так захватит его. Он думал о ней постоянно, то ревнуя, то вспоминая с благодарностью что-нибудь хорошее.

— Это я, — виноватым голосом прошепелявил Фёдор Фёдорович. — Я ждал-ждал, а потом думаю: что-нибудь случилось. Я звонил. Что случилось?

— Какие-то странные у нас отношения. Не надо нам больше общаться! — резко сказала Анастасия.

— Ладно! — он отмахнулся от ее слов. — Я пришёл по делу.

— У меня нет отца... У меня нет мужа, нет брата... Не надо на меня давить! — голос её дрогнул. — Я просила не приходите!

— Как сын? — он вдруг вспомнил о её сыне.

— Он меня не понимает.

— Ладно, — Фёдор Фёдорович решил сгладить ситуацию и провести вечер где-нибудь на публике. — Меня Павлик понимает, — самодовольно пробурчал.

— Если бы я своему сыну купила одну машину, вторую... Он бы тоже меня понял, — выговорила Анастасия, вздыхая.

— Ладно! Я не хочу терять расположение своих детей! Пошли в ресторан, поужинаем, — примирительно позвал Фёдор Фёдорович.

Город миллионный, а ресторан пуст. Анастасии было странно и неловко именно от этой пустоты. В старом увеселительном заведении суетятся пенсионерки-официантки. Выцветшие, грубо накрахмаленные скатерти из прошлого века.

Фёдор Фёдорович артистично приступил к еде, неторопливо, по-особому важничая.

— Ну как? — это звучало как похвала, что всё отменно приготовлено и изысканно сервировано.

— Я сыта. Спасибо.

— Ты должна съесть всё! — он указывал на ломоть мяса. — Ешь!

— Ужин должен быть легким, — Анастасия отодвинула от себя тарелку.

— Понимаешь, я сегодня не обедал. Только два чебурека. — Это звучало так, словно он не обедал неделю.

Водка, лёгкая, неощутимая, не такая, которую пили у костра.

Анастасии вспомнились глаза Павлика, когда он их вёз, сын не был похож на отца, парень — русский богатырь. Ей ближе богатырь. Иногда ей казалось, они были в зависимости от старика, правда, не в одинаковой. Она представила, как в детстве мальчика заставляли съедать куски побольше и пожирнее.

Официантка подошла со счётом. Он заказал шампанское, растягивая вечер.

Эти женщины-официантки в белых передниках, принимая заказы и подавая блюда, бесцеремонно разглядывали её, словно бабки на скамеечке у подъезда. На мгновение показалось, что не было перемены власти, перестройки. Капитализм, социализм — сон. Хороший или плохой строй — всё равно. Важно то, что все проснутся только тогда, когда проснётся она. Никто не останется жить во сне. Они отошли от ресторана, словно отчалили... Взяли курс на его дом. Асфальт, как палуба, качался. Присесть бы отдохнуть. Но куда? «Вода, вода, кругом вода...» Надо двигаться вперед. Плыть или идти, главное — не останавливаться. Дождик, дождик, поливай, будут брызги шампанского. Что это за фейерверк? Она цепляется за человека, а человек — соломинка, и соломинка тащила её, как лодка. Жёлтая лодка светилась ослепительными брызгами. Около жёлтой стены — жёлтая липа, в стене — жёлтая дверь. Стена как холодный берег. Перила на лестничной клетке поплыли. Куда ведёт эта дорога?

— Держись, не расслабляйся! — шепелявил Фёдор Фёдорович. — Сейчас! Свет включу.

— Что ты все шепелявишь?! Говори ясно! Куда мы попали?

— Ну, в Мадриде ты! В Мадриде! — смеялся. — Не видишь, что ли?!

— Хочу в Париж!

— А в Тель-Авив не хочешь? Извини, я не могу сразу. Мне нужно неделю-две привыкнуть... — Он гладил её по голове, как дочь. — Ты попала не в общий вагон. Я буду твоим

спонсором. Я с Гурченко так же, как с тобой, был.

– Некрасиво и даже пошло. Неужели тебе больше нечем похвастать?

– Нет! Ну, хочешь – женой, секретаршей, любовницей будешь? – смеялся неровно, со всхлипами.

– Глупо! Совсем худо, видно, с тобой, – Анастасия закусила губу.

– Я замёрз!

– Что я должна делать из чувства благодарности?

– Спать!

Но уснуть невозможно. И казалась освобождением только открытая дверь на лоджию. Луна на ветке. Кто кусает?.. Не тонкими уколами комара или клопа, а зубами, как зверь. Цок-цок по асфальту – шпильки, как железные копытца.

– Спину согрей! – перекинул её теплую мягкую руку через плечо и тянул, словно утопленницу. – Я хочу, чтобы мне тоже было тепло. Колдунья! Что ты со мной делаешь?!

– Ничего! Я сплю!

– Без меня ты пропадёшь, – Фёдор Фёдорович провалился в сон.

Наутро у Анастасии оставалось одно желание – умыться и почистить зубы. Безуспешно она искала зубную щетку для гостей и пасту.

– Да была же, была, – оправдывался Фёдор Фёдорович, болея похмельем.

– Это я должна быть вашим спонсором, купить вам «Blend-a-med», – ёрничала Анастасия.

– Что?

– Mild fresh!

В зале громко нёс тарабаршину телевизор: дама в малиновом пляжном костюме изображала танец – идиотизм! Анастасия села в кресло, хотелось тишины. Но обстановку утром никто не создавал. Она вернулась в спальную комнату, чтобы прилечь ещё хоть на минутку. И содрогнулась – на подушке лежали вставные челюсти. Она не поверила, как нельзя поверить, увидев у себя в спальне голову скелета. Что за ритуал? Зубы были покрыты серым налетом, словно живые, человеческие в кариесе.

Будто это всё, что осталось от того, кто ещё вчера был человеком.

Звонок в дверь.

Павлик открыл своим ключом и столкнулся с отцом в двери:

– Спишь?

– Не сплю.

– А чего не открываешь? – приятно, черт возьми, иметь свои ключи не только от машины, но и от квартиры. – Завтракаешь?

– Да! – отец отступал задом. – Бекон, овсянка, джем и кофе... с коньяком. Намазываю кусок «жита» «Рамой-крем-бонжур»...

– Папа, это пижонство, как говорит народ.

– Это истина, как дважды два не три... Ты пройди пока в маленькую комнатку, – пытался спроводить сына.

– А что?

– Я не один... – старик замялся.

– А может, я хочу познакомиться с артисткой, – усмехнулся Павел.

– Вот сейчас скажешь ей сам, что ты хочешь.

Старик вернулся в комнату к Анастасии.

– Это Павлик! – виновато сказал он.

– Пусть он сходит в магазин. Я уйду, – шептала Анастасия. – Мне не хочется общаться. Я не в форме.

– Он же возил нас! – пытался её задержать старик. – Павлик хорошо к тебе относится. Что он мне вчера сказал?! «Какая степенная женщина!» Да! Вот что он мне сказал вчера. Я не хочу терять расположение детей!

– У нас неравные силы. Я выхожу из игры, – Анастасия торопливо приводила себя в порядок.

– Что?

– На вашей стороне и дети, и жена, и сноха, и внуки... А я одна.

– Настя, я играю на твоей стороне.

– Против кого? – сверкнула глазами. – Против моего сына?

– Что ты? – он произнёс, словно в раздумье. И твердым голосом, наполненным ясным, осознанным внутренним достоинством, пояснил: – Я всегда играл по правилам.

– Интересные у вас правила! Я хочу уйти.

– Ладно! – хотел щёлкнуть зубами, но губы беспомощно старчески провалились без протеза.

— Нам надо расстаться, — она вынула из сумки маленькую картинку и, сомневаясь, подарить — не подарить, вертела в руках.

— Что это?

— Осенний этюд.

— Автор кто?

— Жизнь. Я соавтор.

Анастасия вышла из квартиры, Фёдор Фёдорович — за ней. Зашли в магазин. Магазин почти пуст, только нищая старуха заворачивает что-то в газету и трясёт засаленной сумкой.

— Сегодня венчался, а завтра скончался, — бормочет беззубым ртом нищенка.

— Чего хочешь? — Фёдор Фёдорович не замечает грязной старухи — далась она ему. — Сливки? Сметану? Йогурт? Ну, скажи, что ты хочешь? — смотрит на свою даму.

— Персик.

— У вас сок персиковый есть?

Продавщица:

— Нет. Есть персики консервированные. Турция.

— Пойдет, — сунул Анастасии яркую красно-зеленую банку. — Турция — это тебе!

— Счастья ищи, а в могилу ложись, — нищая старуха накликивает беду, непримиримая ни с жизнью, ни со смертью. — Смерть ходит, ходит... Оглянитесь!

— Бабуля, уходи, уходи отсюда от греха подальше, пока хозяин не увидал, — гонит продавщица.

— Нищета — это не когда есть нечего, а когда хоронить не на что, — бормотала она под нос. — Раньше хоронили всех как положено, в гробах, а теперь, говорят, денег нет. Сжигают и в коробочку ложат. Вот и хожу собираю. Я в коробочку не хочу. Я Богу молюся.

Анастасия поскорее вышла. Около магазина — ведёрко с яблоками.

— Сколько? — спросил старик.

— Десять рублей, — оживилась бабуля, дождавшись покупателя. — Яблочки со своего сада. Наисвежайшие!

— Да ты что?! — с насмешливым возмущением торговался покупатель. — Дорого!

— Три месяца пенсию не дают!

— Всем не дают. И мне не дают!

— Ну, вы если покупать будете, так покупайте, если нет, так идите.

Анастасия не выдержала этого торга, отошла от Фёдора Фёдоровича.

— Так не торгуются, — посмеялся старик.

— Я не торговка! Я из своего сада принесла. Эх, горемычная, помяни матушку, — к Анастасии подходила нищенка из магазина. — Возьми, съешь моего кислого яблочка.

Анастасия пошла от магазина, от нищенки, от него...

— Ты меня хоть чуть-чуть любишь? — догнал он её.

— Нет.

— Ты жестока.

— А ты? — она смотрела на него в упор.

— Твой сын...

— А сына не троньте! — резко перебила она.

— Ты у меня вот тут в голове! — он постучал себя по лбу. — Постоянно! Колдунья!

— Хочу в Париж! — снова Анастасиина заезженная пластинка.

— Вот будет хорошая погода, отвезёт нас Павлик на плёсы, — старая песня Фёдора Фёдоровича. — Там такой Париж! Уток постреляем. Покайфуем!

— Хочу в Париж.

— Я дам. Съезди в Италию.

— Может, в загс сходим и печать поставим? — недобро ухмыльнулась она.

— Это так не делается, — он держал паузу, чтобы перевести всё в шутку. — Пойдём ко мне!

— Ты у себя не хозяин... Живешь как квартирант.

Они прошли в арку.

— Я подожду, — остановилась она.

— Да зайди ты! — старик тянул её к низким сарайчикам. — У меня тут есть свой угол.

С фасада сарайчик ничем не отличался от других. Доски-двери, серый кирпич да маленькие, как бойницы, окошечки.

— Я тут всё своими руками сделал.

Он снял с высокой полки чёрный дипломат. Положил на рабочий столик у самой двери. И открыл. Пачки денег заполняли всё пространство дипломата. Торопливо вытаскивал купюры, совал в карманы брюк.

Через пару минут вместе вышли. На улице сразу тормознули машину.

Старик вынул из кармана брюк помятую десятку, протянул Анастасии.

– Отдайте водителю, – буркнула она.

– Да на же!

Она быстро передала десятку в окошко водителю.

– Во! – удивился водитель, открывая дверцу.

– Сначала деньги дают, потом садятся!

– Куда?

– Домой!

– Понятно...

– На новый мост!

XXIV

Вечером к Фёдору Фёдоровичу приехал старший сын Валера с женой. Павлика он больше любит, но старшего – Валерия – уважает, и сноху его, Иоланту, побаивается. Иоланта была старше своего мужа.

Валерий, любя её, ей же повиновался. По опыту жизни, по тем слезам, крикам, ахам и вздохам, которых ей пришлось послушаться во время абортных родов, она чувствовала, что постарела на двадцать лет, и теперь ей ближе был свёкор, чем его сын. Она частенько болтала со свёком.

– Вы изменились, Фёдр Фёдрыч! Помолодел! Влюбился?

– Мне нужно женское «био». Я постоянно нахожусь в состоянии влюблённости.

– И сказали ему: поищи молодую девушку, чтобы она лежала с тобой, будет тепло тебе, – улыбалась она. – Жаль, что вы не царь!

– Я мужчина. Мужчина – царь природы! Я должен кого-нибудь любить, – эти слова защищали его. – Она молодая, не старше тебя. И она красивая.

– Искали красивой девушки? И нашли?

– Ну, ладно! Перестань! Ты не знаешь, кто у меня взял серебряный крестик? Спроси у детей... Меня брат повёз в монастырь... И все: и брат, и я – все покрестились. А потом на плёсы поехали.

– Павлов Иван Петрович ерепенистый мужичок был, в пику всё делал.

– Кто такой? – перебил ее.

– Физиолог.

– А! – засмеялся он.

– Однажды шло массовое закрытие церквей, Павлов привел собаку к батюшке, – рассказывала Иоланта. – Батюшка ему говорит: «Смотри, что будет с твоей собакой». Подносит батюшка псу крест, водит над ним – у пса начинает слюна капать. Собака отреагировала на геометрическую фигуру – крест. Сурепка – четыре лепестка – горечь вызывает. Для собаки ведь цвета нет. Крест геометрический – реакция на горечь, на поджелудочную железу. А чёрный, красный, белый – дают резкий уход йода из головного мозга – человек остается как бы без сознания.

– Да?! – любовался он невесткой.

– Незабудка – пятизвездочная, поэтому ее и не забудешь, – пояснила она. – Свастику на деньгах делали, помните? Если постоянно звёзды-звёзды перед глазами, безволие вырабатывается. А можно внести ложный вторичный псевдосимвол – пять материков, пять чувств... И будет торможение психики, чтобы у рабов не было позова к восстанию.

Иоланте нравилось общаться с ним, вполне не глуп и интересен, она никак не могла просчитать его: кто он по натуре – чиновник, тайный агент, умелый делец или просто артист, и все его рассказы – это несыгранные в жизни роли. Ей нравилась его неумная заведённость. Эти дети войны... Черта их находится не где-то за пределами человеческого духа, а здесь, под ногами.

Фёдор Фёдорович мучился. Болело бедро, тяжело было сделать полный вдох – сразу какая-то боль отдавала в сердце. Иоланта наблюдала за ним в такие дни не с сочувствием, а с какой-то мстительной обидой.

Именно в такие дни Иоланта и провоцировала разговоры отца и сына. Она опять попросила мужа поговорить с отцом. Наконец Валера решился на серьёзный разговор и вошел в комнату к отцу.

– Отец, – подступил Валера, – у тебя с той женщиной что?

— С какой женщиной? — будто бы удивлённый взгляд.

— С той, что любит плёсы...

— А... Да. Мы ездили на плёсы. Там, знаешь, столько уток! Вот где поохотиться! — старик попытался перевести тему.

— Зачем ты берёшь брата?

— А что? Он взрослый мужчина...

— А тебя с той женщиной...

— Мы любим друг друга, — перебил сына.

— Сколько ей лет? Младше брата? — не отступал Валера.

— Ну, ладно, Валерик! Перестань! Когда ты влюбился в свою Иоланту и я тебя спросил, сколько ей лет. Ты помнишь, что ты мне ответил?

Сноха — опытная в жизненных делах женщина, она знала, когда сын будет говорить с отцом, и приготовила для них хорошее вино.

Иоланта вошла и, расставляя фужеры, рассказывала:

— Вчера клиенты анекдот рассказали: «Проститутка сдает деньги в парижский банк. — Вы меня, мадам, извините, но я вынужден вас огорчить: ваши деньги фальшивые! — говорит служащий банка. — Как? — кричит проститутка. — Очень просто — они фальшивые, мадам. — Боже мой, боже мой, — в истерике кричит она. — Меня изнасиловали!»

Старик выпил свой фужер залпом.

— Что она хочет? — пьянея, засмеялся он. — Дачу, квартиру, машину...

— А ты? — голос Валеры.

— Чтобы у меня, как у царя Соломона, было шестьсот жён, — развязно хохотнул Фёдор Фёдорович.

— Шестьдесят! — Иоланта встала перед свекром, высокая, плотная, уверенная: — Вы мне этих уток с плёсов больше не привозите: я ощипывать их не буду.

— Это дичь! — он многозначительно поднял палец вверх. — В Париже такую дичь мне в ресторане на Елисейских полях подавали.

Иоланта согласно кивнула:

— Вам звонил Асляк, сказал, чтобы с ним связались. Какое-то дело о миссионерах у него.

XXV

Прошел год с того дня, как Анастасия познакомилась с миссионерами. Но её статья, хотя и понравилась редактору, опубликована не была. Валерий Алексеевич сказал, что материал не пойдет, и всё. Ей стало обидно. Положить под сукно... Столько бессонных ночей! Теперь у Анастасии другая тема — брошенные дети. Она уже побывала в Доме малютки, в больницах, в детприемниках. Эта тема потянула за собой другую — она решила обойти роддома и вникнуть, что же происходит в тот момент, когда роженица откачивается от младенца. Познакомилась с Иолантой — врачом роддома.

У Иоланты сегодня была вакуум-аспирация. Тяжело и неприятно, даже для врача. А главное — всё делаешь будто с закрытыми глазами. Вот теперь надо удалить то, что сделали её руки внутри матки женщины. Прерывание беременности закончилось. Конец. Иоланта свою работу выполнила. Теперь она снимет перчатки и протрёт руки спиртом.

Медсестра сложила в ёмкость все части извлечённого тела, пока доктор мыла руки. Теперь это не отправляется в мусорное ведро, как раньше, а используется как сырьё.

— У меня одна знакомая просилась к вам на приём, — сказала медсестра врачу.

— В понедельник пусть приходит. Посмотрю, — равнодушно ответила Иоланта.

— А в шестой палате с заливкой что делать? Кричит. Утром заливку раствора делали. Схватки начались.

— У меня рабочий день уже закончился. Всё. Хватит. Сделайте укол. Пусть подождёт другую смену.

Медсестра не уходила, и это начало раздражать Иоланту.

Она никогда не чувствовала себя такой разбитой, такой раздавленной, как сейчас. А тут сегодняшняя встреча с журналисткой. И вдруг врач увидела, что медсестра положила на стол конверт и сама вышла. Иоланта открыла конверт — в нём 500 долларов.

Перед глазами врача возникла бритая девочка — и женщиной-то не назовешь! И операции надо было делать срочно. В лице, во всем теле этой пациентки была такая инфантильность, невинность, что медсестра пошутила о непорочном зачатии. Иоланта не терпела религиозных предрассудков. Хорошая доза цинизма даже помогала в работе. А совесть — это дело личное. Пусть они сами думают о том, чувствует ли ещё не рождённый ребёнок боль так же, как и рождённый. Никакого обезболивания для плода при аборте не предусмотрено ни по медицинским, ни по государственным законам. Она не настоятельница монастыря. Если не сделает она профессионально, то за дело возьмется какая-нибудь повитуха. И тогда смертность увеличится в сотни раз.

Потом Иоланта вышла в коридор к журналистке.

— Расскажите, как вы делаете операции? — спросила Анастасия Иоланту. — Много девочек, которые вынуждены делать аборты?

— Дай им бог остаться без подобных уроков. Вам что, нужна анатомия или психология?

— Современная анатомия, — сказала Анастасия, — я потом отредактирую.

— В матку женщины вводится пластмассовая трубка с острыми краями... — Иоланта дальше говорить вслух не хотела, хотя руки дело знали: тело ребенка трубка разрежала, потом всё отсасывалось наружу в специальную ёмкость... Говорить было труднее, чем делать. Руки врача механически подчиняются задаче... Сентиментальность — плохой ассистент у операционного кресла.

И всё-таки Иоланта понимала, что можно говорить, а что — нет. Вчера всё закончилось быстро. Закончилось без осложнений.

Со второй пациенткой Иоланте пришлось повозиться немного дольше. Но тоже всё привычно и просто — отработано до автоматизма. У пациентов Иоланты редко случались осложнения после операций, и её телефон родственники клиентов передавали друг другу, денег и подарков в знак благодарности не жалели.

— Вам действительно нужно это знать? — Иоланта испытующе посмотрела в упор на Анастасию.

— Да, — сказала журналистка, приняв глазами вызов. — Я пишу роман о женщинах.

— Пошли.

Анастасию одели во всё белое, на ноги — стерильные чехлы. И она вошла в операционную. То, что она увидела во время операции, невозможно описать. А то, что врач прокомментировала после операции, оказалось ещё более страшным.

— Эта беременность была более поздняя. Пришлось работать кюреткой — вы видели. В матку вводилась кюретка — острый нож в форме петли. Этим ножом аккуратно, но основательно надо выскоблить полость матки, им же при этом разрезается ребенок.

Рука у Иоланты никогда не дрожала, голос тоже:

— У этой бритой девочки беременность — пятнадцать недель.

Иоланта поглаживала кисти рук.

— Ручки, ножки... Начали кальцинироваться кости... — врач, устало закрыв глаза, продолжала работать и говорить мысленно, будто проверяя свои движения словами, но не выпуская слов наружу... «...Захватить ручку и скручивающим движением оторвать её... Потом захватить ножку или другую часть тела... И извлечь...» — и опять заговорила вслух: — Это тяжелая работа. Рука устает и немеет, — и она машинально тёрла холодную руку.

— Говорят, что ребёнок чувствует это, — проронила Анастасия.

— Плод, — поправила строго и сухо врач. — Как любая клетка, наделённая нервными волокнами, не более того. Кульминация — это... когда выбирается солевой амниоцентез. Вводится большая игла в околоплодные воды. И подаётся концентрированный раствор соли.

— Ужас! — вырвалось у Анастасии.

— Да, девушка, это ужас, — холодно ответила доктор. — Но мы в этом ужасе живём каждый день. Вы занимаетесь лёгкой любовью, а мы ужасами после «лёгкой любви». Плод обжигается и бьётся в конвульсиях.

Заглянула медсестра:

— Вас просят в предоперационную. Там началось.

— Я человек, а не вакуумная машина, — про-

шептала Иоланта. — Я устала... Дайте мне вымыть руки... У меня дома дети. Живые!

— Иоланта Зиновьевна, леденец уже вышел...

Врач посмотрела острым, словно скальпель, взглядом на Анастасию:

— Если не боитесь, можете посмотреть.

Прошли в палату. Пациентка рождает мёртвого ребенка. Между ног роженицы — рыхлая красная блестящая подкожная ткань, похожая на глазурь.

Рядом стояла и смотрела застывшим взглядом беременная женщина, которую готовили для «заливки».

Анастасия выскочила из роддома, поймала такси и не сразу сообразила, куда же ей ехать.

— Куда? — спокойно поглядел на нее водитель, он привык, что из роддома все выскакивают какие-то ненормальные. — Куда едем?

— К Алле Павловне Таракановой.

— В центр?

— Да! К цирку.

— Ну так бы сразу и сказали, а то я в другую сторону рулю.

Алла Павловна встретила Анастасию с дежурной американской улыбкой:

— Я ухожу, спешу! — сказала она, сидя за столом пред ликом президента. — У меня только две минуты.

— Спасибо...

— Тебе нужна работа?

— Да, — перед Анастасией сияло сердоликовое деревце.

— В федеральной службе работала? — будто допрашивала Тараканова.

— Нет, — Анастасия тронула каменный листочек.

— Я сейчас встречаюсь с Кодишевым. Могу поговорить...

— Спасибо.

Каменное деревце тихо-тихо зазвенело.

Окончание следует.

□

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА

Прозаик, публицист.

Окончила Воронежский государственный педагогический университет

и Высшие литературные курсы

при Московском литературном институте им. М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета XXI век»,

«Мир женщины», «Подъём» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни»,

«Чёрная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001)

за лучший рассказ, лауреат областной премии им. И. Бунина (2002),

призер 6-го Международного конкурса им. М. Волошина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

